

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК XX И МИР

EL SIGLO XX Y LA PAZ

DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN

В НОМЕРЕ:

ВОССТАНИЕ МАСС

Нестабильный мир 90-х

ВЕЛИКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

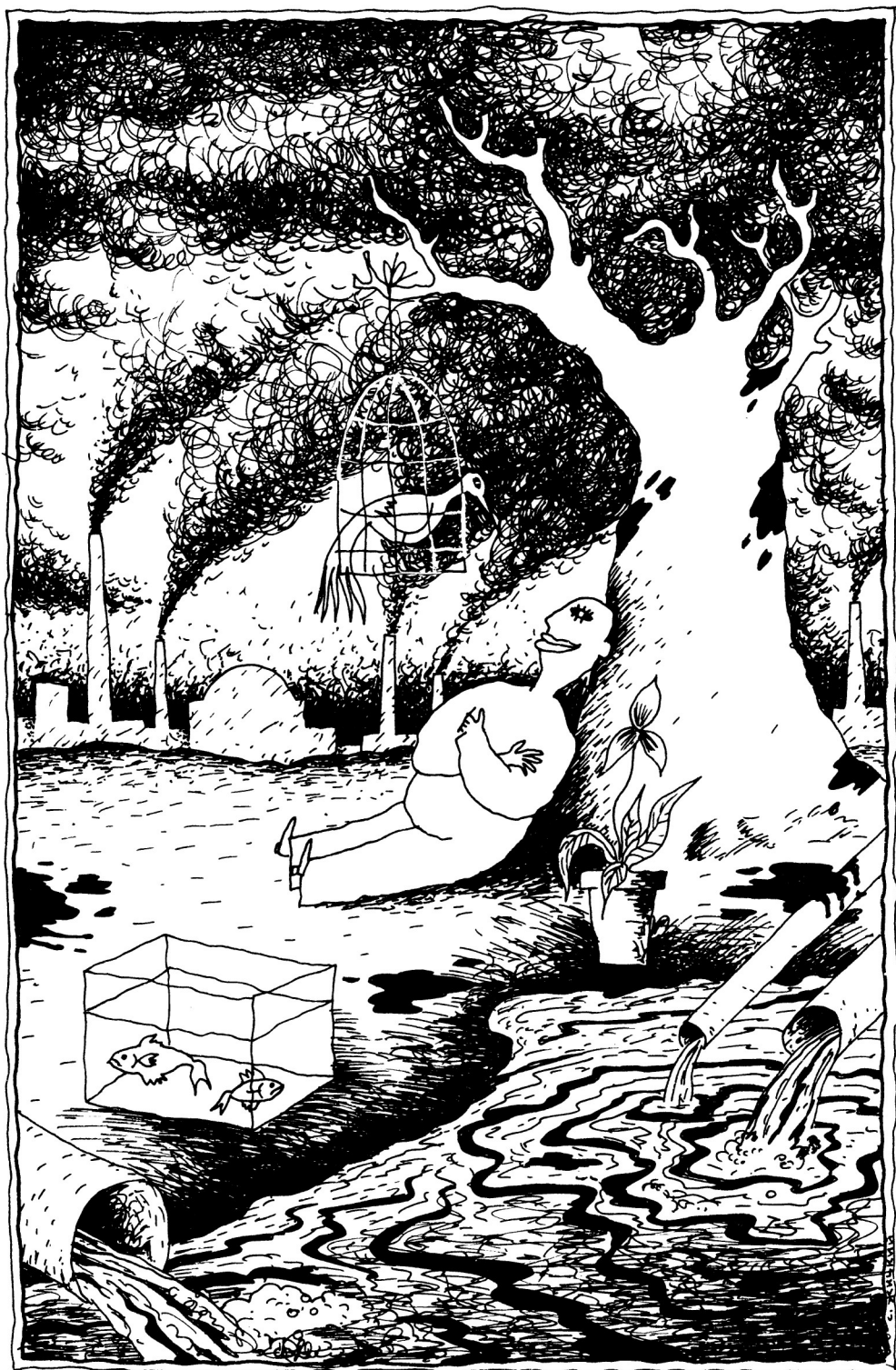
Ислам в современной геополитике

ПАРТИЯ У РУЛЯ

Сценарии экономической реформы

ISSN 0320 8001

3/90

В НОМЕРЕ:

<u>Почта</u>	
«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...»	2
<u>Актуальная тема</u>	
«ВЛАСТЬ НАРОДА»	9
Т. ВОРОЖЕЙКИНА. НОВОЕ ВОССТАНИЕ МАСС	11
<u>Проблемы и суждения</u>	
Э. ГЕЛЛНЕР. ИСЛАМ: ИНОЙ ВЗГЛЯД НА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА	17
Г. ХЕРИЦИ. «СВЕТ С ВОСТОКА»	23
<u>Эссе</u>	
Н. ШУЛЬГИН. НОВОЕ РУССКОЕ САМОСОЗНАНИЕ	25
А. ПОРТНОВ. О ЧВАНСТВЕ	29
<u>Страна в движении</u>	
Л. ПИЯШЕВА. ЕСЛИ ПРАВИТЕЛЬСТВО ВСЕ ПОНИМАЕТ...	32
<u>Парадоксы политики</u>	
С. КОРДОНСКИЙ. СЦЕНАРИЙ ИГРЕК	37
<u>Мнение эксперта</u>	
О. ПОБОРЦЕВА. ИХ РЕКРУТЫ	43

Рисунок слева: «Все свое пошу с собой!» Автор Вячеслав ЖИЦКИЙ (Москва). На третьей странице обложки работа Игоря СМИРНОВА (Москва).

***Рукописи не возвращаются
и не рецензируются.***

«Уважаемая редакция...»

Кое-что о банкротах

А мне все же их жаль — этих вождей «братских социалистических государств», которые столь одновременно и столь катастрофически обанкротились. Вы спросите: за что их жалеть, их, которые довели свои народы до жесточайшего кризиса, до неистовства, до гражданской войны? Но вспомним их биографии.

Хонеккер — член компартии Германии с веймарских времен, при фашизме подпольщик, в 1935-м арестован и десять лет провел в тюрьме — фашистской тюрьме! — пока не пришла Советская Армия. У вас разве не вызывает уважения такое прошлое?

Чаушеску — в коммунистическом движении с начала 30-х годов. В 1936-м осужден на три года тюрьмы, которые полностью отбыл. В 1939-м вновь осужден (заочно), а в 40-м арестован. Освобожден из концлагеря с падением фашизма в 1944 году. А мы помним, чем была румынская «сигуранца»!

Живков — тоже вступил в компартию еще при фашизме, один из руководителей партизанского движения.

Гусак — руководитель Словацкого национального восстания, с которого началось освобождение Чехословакии, узник сталинских лагерей, реабилитированный лишь в 1963 году.

Ну, как, впечатляет? Могу добавить, что в конце 60-х мы очень любили Чаушеску за его независимый курс, за отказ оккупировать Чехословакию,

за отказ разорвать дипломатические отношения с Израилем.

Что же случилось с этими людьми? Они ли не боролись за свободу своих народов? Как же они стали ее палачами?

Их вела логика событий. Они были членами партии, которая не терпела ни соперников, ни даже партнеров. Партии, которая высокомерно претендовала на абсолютную истину. Партии, которая закономерно породила культ руководителя. Став руководителями, они **обязаны были** стать диктаторами, они **обязаны были хотеть** этого. Других Система не приняла бы.

Нет, я не прощаю их. Пусть отвечают перед народом за свои преступления. Но давайте видеть главное: их воспитала и выдвинула Система. И впредь выдвинет таких же, пока сама будет существовать.

Вот и встает перед нами задача: ликвидировать систему партократии, которая в нашей стране закреплена 6-й статьей Конституции. Иначе однажды мы вновь подпадем под «необъятную власть» генсека. И еще хорошо, если это будет кто-то вроде Брежнева, а если — кто-то вроде Чаушеску?

Мы не должны больше зависеть от воли никем не избранных партийных лидеров. Но станет ли нам уроком кровавый декабрь Бухареста?

Эммануил МЕНДЕЛЕВИЧ,
г. Орел.

Две тысячи первое слово

«Две тысячи слов» в вашем журнале (8/89) меня, что называется, встрепетули.

К тогдашним чехословацким событиям, как и вообще к Чехословакии, у меня издавна свое особое отношение — чуть ли не с детства, с середины 30-х годов. Помню, тогда вышел специальный номер журнала «За рубежом», целиком посвященный Чехословацкой республике. Номер открывался статьей нашего посла в этой стране Александра (позже одного из «ликвидированных» дипломатов); в нем был большой, с чувством написанный очерк жены самого редактора журнала — Михаила Кольцова; и кроме того — масса всяких политических, культурных и даже спортивных публикаций. И нужно ли говорить, что я много мусолил его?

Но вскоре уже началось расчленение прекрасной маленькой страны в центре Европы, и памятные по журналу политические и военные фигуры — от Томаша Масарика и Эдуарда Бенеша до одноглазого, с черной повязкой главнокомандующего, генерала Яна Сыровы — стали жертвами или героями.

Потом, в пору нашей дипломатической игры «Молотов — Риббентроп», все чаще слышалось про такое отдельное государство — Словакию. И удивило, что если сперва тот же В. М. Молотов в своей дипломатической ноте отказывал германскому послу графу Шуленбургу в его просьбе о «признании» этого «марионетного государства», то вскоре туда уже был направлен наш посол (если не ошибаюсь — тоже с удивительной фамилией: Пушкин!), а в Москве появился соответственно словацкий посол — и брат самого президента «Словацкого независимого государства» — Штефан Тисо.

А после этого события завертелись — покруче, чем в той же кинохронике. Вон слышу по радио — присоединение этого «независимого госу-

дарства» к «тройственному пакту» — коалиции воинственных Германии, Италии, Японии (и живые выступления Йозефа Тисо и Адольфа Гитлера!). И вот — в первый день «нашей» войны — ясный, даже милый голос из словацкой столицы Братиславы — о присоединении этой славянской страны к «борьбе против коммунистического ига».

Вскоре мне довелось лично столкнуться с этими солдатами на одесских улицах, где они появились в самый разгар оккупации, — в конце лета 43-го года, сразу обратив на себя внимание среди примелькавшихся немецких и румынских мундиров. Улыбчивые, в защитной форме с алыми петлицами, похожими на красноармейские, и в пилотках — с изображением католического креста на воинском щите, они сразу вошли в общение с местными жителями. И вот уже встречаешься с ними вплотную в одном из домов, где они разместились, и слушаешь вместе с ними по их радиоприемникам передачи из Москвы, и угощаешься их щедрым армейским даром (горское вино! «резени» — отбивные!) и смотришь, какое у них оружие (наганы с надписью «ческа зброя»), и уже не удивляешься призывам к борьбе («бить немцев!»). Когда довелось — с приближением фронта — укрыться в подzemелье, то один из знакомых словаков возил к моему укрытию съестное и даже «пивечко» в бутылках... И вскоре стало известно об их делах на своей родине: бывший командир именно того автобатальона, с солдатами и унтер-офицерами которого доводилось общаться, первым открыл огонь по немцам на мосту через Дунай в конце августа 44-го, положив тем самым начало Словацкому национальному восстанию.

Но позже придут времена, когда того же зачинателя восстания, подполковника Цирила Кухту запросто «посадят», а остальные укроются по своим «подземельям», как раньше

приходилось мне. Что ж, если даже Густав Гусак тогда просидел три года в одиночке, не подписывая никаких «обвинений» (единственный из всех коммунистических лидеров в Восточной Европе!), а его соратник по национальному восстанию — Кароль Шмидке, тоже лидер партии, был похоронен лишь несколькими самыми смелыми друзьями, то что говорить о более уязвимых — рядовых людях?

В середине 50-х годов в Одессу приехала группа брatisлавских гостей. Один из них — редактор еженедельника «Культурны живот» Юрай Шпицер не удержался, чтобы не признаться, какие порядки у них в стране. Сам воспитаник Сорбонны, живой и интересный человек, он жаловался на руководителей (в частности на президента Запотоцкого, которого они «не уважали»), на то, что его, участника восстания, таскали на допросы и что он до сих пор не уверен в своей участи. Впоследствии его сняли с редакторского поста, хотя он еще успел опубликовать очерк «Словаки в Одессе» — по моим рассказам и после посещения всех памятных мест. Но когда на этот очерк откликнулись многие из бывших словацких «одесситов», в том числе мои знакомые, я уже не мог им ответить. В конце 50-х годов я сам угодил по политической 58-й статье в мордовский лагерь...

После возвращения домой в середине 60-х в своей книге, задуманной еще в лагере, я хотел не просто изобразить, как чехословаки плечом к плечу с нашими людьми боролись против общего врага — фашистских оккупантов, но и передать то чувство хорошей зависти, которое родилось к ним еще в военные годы. Вот думалось тогда мне, они вернутся домой — и у них начнется достойная жизнь

по тем демократическим законам, которые царили в стране еще до войны (судя по «чехословацкому» номеру журнала «За рубежом»), а что же ожидает нас — с возвращением в сталинские порядки?

В 68-м году, разразились события в Чехословакии. К тому времени Юрай Шпицер снова вернулся в еженедельник, и я, получая его «Культурны живот», с замиранием сердца читал обо всем — что называется, из самых первых рук! — в этой стране. Пусть у нас в брежневском болоте еще ни о чем подобном и нельзя было подумать, но как я радовался за славных чехов и словаков! Как раз тогда — весной вошедшей потом в историю как «пражская весна», я на полном ходу работал над своей книгой. События в Чехословакии шли словно параллельно с событиями на страницах ее рукописи — и не передать того ликования, что завершение моего труда совпало с появлением «2000 слов»!

Каково мне было пережить потрясение в то утро 21 августа, когда я узнал о наших танках в Праге, — тревога за судьбу новых руководителей; их драматическое пребывание в Москве; падение нашего авторитета среди чехословацких друзей. «В поисках несуществующих врагов они потеряли своих лучших друзей!» — как тогда высказался Ладислав Мнячко, и худшего укора, по-моему, еще не было... Шпицер больше не писал мне, а его еженедельник вообще был закрыт. Последний номер я получил за 15 августа, и поныне его подшивка хранится у меня.

Так пусть прибавится к 2000 словам и мое одинокое слово!

Владимир ГРИДИН,
г. Одесса.

Хотим колбасы!

Запад поможет нам...

Запад поможет, как помогал уже не раз, — вырубить наши леса, выка-

чать наши нефть и газ, выкопать наши руды. А затем вбухать нефте- и лесодоллары в какую-нибудь бессмысленную «стройку века». Закупить на валюту там же, на Западе, оборудование и сгноить его на складах, понастроить дач, дворцов, ра-

странжирить миллионы на представительство наших идеологов и еще больше обогатить наших торгашей-мафиози.

Земель у нас еще много. И Запад поможет нам их освоить — не задаром, конечно. Запад понастроит на наших землях заводов и фабрик, таких, какие на Западе не позволяет строить общественность, которые управляют все вокруг: и земли, и леса, и воды, и воздух. Запад поможет нам превратить нашу землю во всемирную свалку. Мы уже успешно начали — Запад поставит это дело на промышленную основу.

А может быть, Запад научит нас хорошо жить? Просто так, возьмет и научит — честно жить, честно работать, не воровать, не пить, не обманывать? Просто так, безвозмездно, научит нас Запад любить ближнего своего, уважать труженика, беречь свою землю, гордиться своим народом?

Мы желаем, чтобы Запад научил нас строить дома, прокладывать дороги, выращивать хлеб, доить коров... Мы просто хотим колбасы. Менять мы не собираемся ничего — мы

страшно боимся перемен, но мы хотим колбасы!

Может ли Запад помочь нам в становлении нашего только-только нарождающегося независимого, рабочего, профсоюзного движения? В состоянии ли Запад оказать нам помощь в возрождении нашей национальной культуры? А мы сами-то желаем того возрождения?

Мы больше всего хотим колбасы. Любая новая сделка западных бизнесменов с нашим правительством усугубляет колониальную зависимость страны. И мы уже созреваем до колонии. Реальные сделки с Западом, явные и тайные, ставшие явными, наводят на грустные размышления.

Если б я имел такую возможность и знал, что мой голос услышат, я обратился бы к западным правительствам с просьбой не давать кредитов правительству СССР, не заключать с ним, по возможности, крупных сделок. Лучшая помощь народу — никакой помощи автократии.

Константин ФАТЕЕВ,
монтажник, г. Тула.

Действуйте, будто Запада — нет

Мне бывало интересно смотреть репортажи о визите Брежнева в какую-нибудь западную страну. И хотя он не лез лбызаться с Никсоном или Жискаром-д'Эстеном, всегда ощущалось, что контакт с американским или французским президентом важнее для советского коммунистического руководства, чем контакт с генеральными секретарями братских партий западных стран. Значит, мы и их друзья, друзья проклятых эксплуататоров? И всегда было любопытно: а как западные люди в массе своей относятся к нашим «собратям» — к собственным коммунистам? Ведь получается, что это пятая колонна¹ «наших» в их цитадели.

Теперь мое любопытство переключилось на диаметрально противоположный вопрос. Я вижу, что в СССР

формируется пятая колонна радикальных западников, сторонников движения страны по капиталистическому пути. Никто не убедит меня в том, что таких людей у нас еще нет. Я прекрасно вижу — они есть, и их немало. Возникает вопрос: каково отношение Запада к советским радикальным западникам? Кажется, что можно предположить по аналогии: советские западники — «большие друзья» Запада. Но не будем торопиться с выводами.

Давайте спокойно и трезво поразмыслим над странным парадоксом: создается впечатление, что люди Запада в большей степени заинтересованы в нашей перестройке и сильнее радуются ее действительным и мнимым успехам, чем мы сами. В частности, мне кажется, что типичный со-

ветский интеллигент, как правило, более скептичен по отношению к перестройке, чем типичный западный интеллеktуал. Вот я и хотел бы задать вопрос типичному западному интеллеktуалу, а в его лице всему Западу: зачем Западу наша перестройка? Зачем ему наши гласность и демократия? Какой ему прок от нашей многопартийности и рыночной экономики?

Стоп, стоп. Наш рынок ему весьма бы пригодился. Но нужно различать заинтересованность Запада в нашей стране как в рынке сбыта и дешевой рабочей силы и как в еще одной демократии.

— Только в подлинной демократической стране может быть настоящий рынок! — возразят мне.

Я не стал бы торопиться с обобщениями. Неужели ЮАР или Южная Корея являются подлинными демократиями? И неужели Запад не торгует с ними?

Возникает впечатление, что Западу нужен прежде всего **безопасный** Советский Союз,— все остальное на втором плане. Наши демократия и свобода для нас, советской интеллигенции (ибо прежде всего интеллигенция ратует за свободу и демократию, являющихся самоцелью), для Запада — только средства достижения большей безопасности от СССР.

Но возникает еще более тревожный для радикально-демократических слоев Союза вопрос: всегда ли безопасность той или иной страны для Запада прямо связана с демократическим устройством страны? Мы видим, что это не так: те же ЮАР, Южная Корея и т. д. вовсе не представляют собой угрозы, скажем, для США или Франции. Более того, мы видим, что эти **тотальные** режимы отчасти поддерживаются флагами западной демократии.

Теперь давайте представим себе такую ситуацию: в СССР утверждается тоталитарный режим нового (не коммунистического) типа, который дает абсолютно надежные гарантии отсутствия угрозы Западу и объективно оказывается совершенно неспособным к такой угрозе. Как в такой ситуации поведет себя Запад? Про-

меняет ли он **нашу** демократию на **свое** спокойствие? Не может ли сложиться такая ситуация, когда для безопасности западного интеллеktуала окажется выгодно раздавить советскую демократию?

Разумеется, абсурдно думать, что, придя к власти, советские радикальные западники станут угрожать Западу в военном или политическом отношении. Но нужно различать военно-политическую и технологическую, экономическую, культурную «безопасность». Что если модернизированный Советский Союз окажется опасным конкурентом «старого» Запада, скажем, в экономической сфере? Нужны ли мы Западу в качестве вторых Соединенных Штатов или в качестве второго Парагвая, только гораздо более обширного (а следовательно, и более выгодного)? Разумеется, я не могу ответить на этот вопрос, и потому хотел бы задать его напрямую западным интеллеktуалам и всем людям Запада.

Пора, наконец, начать ориентироваться на самих себя — не на косные, консервативные, националистические силы, а на собственные наши силы, которые есть у нас. Именно ориентация на самих себя послужит верным признаком зрелости наших внутренних западных сил. Вопрос о том, какими нас хотел бы видеть Запад, должен перестать быть чрезмерно важным для советских западников. Вместо этого на первый план должен выйти вопрос о том, какими мы сами хотим видеть себя. Советским радикальным западникам следует мыслить и действовать так, как будто Запада вообще не существует.

«Запад нам поможет», — всегда надеялись наши радикальные западники. Но не слишком ли мы обольщаемся этим лозунгом? Наивно думать, что **наша** свобода и демократия нужны Западу ради нас самих. Советские радикальные демократы должны ясно осознать, что спасение утопающих дело рук самих утопающих.

Александр ЕРЕМЕНКО,
аспирант, г. Ворошиловоград.

Русский миф

Мы наконец-то взяли в руки два тома Вл. Соловьева, однотомники Бердяева и Розанова. Русская духовная муза обрела право на существование, воскреснув, как легендарная птица Феникс. Тем не менее, на душе не только радостно, но и тревожно. Удивительно, но долгожданные призывы к национальному возрождению России, раздающиеся на всей нашей географической протяженности, — от «Москвы» до «Литературного Иркутска» — не вызывают энтузиазма. Патриотические чувства все чаще отворачиваются от их ошалелого звона: в нем слишком мало гармонического строя.

Что же мы слышим? Суть можно кратко разюморить в следующих словах: русский народ является жертвой сатанинских сил (а точнее — сионистов и масонов), поставивших целью в ближайшем будущем добиться мирового господства.

США и Западная Европа уже покорены ими. Только русский народ продолжает стоять бастионом на пути дьявольского отродья. Ему выпал жребий мессии XX века: русский народ — избранный народ...

Все это не ново, и фактически повторяет выродившееся славянофильство конца XIX века, уже ничего общего не имеющее ни с Хомяковым, ни с Аксаковым — искренними и горячими борцами против деспотии. Такое славянофильство Вл. Соловьев назвал «скрежещущим мракобесием».

Сказав «а», надо сказать и «б». Мы вплотную подошли к проблеме антисемитизма. Попробуем посмотреть на нее трезвым взглядом. В кризисные эпохи у верхушечных слоев, уходящих с исторической арены, возникает идея: «Народ необходимо чем-нибудь занять». Евреи были идеальным объектом для того, чтобы персонализировать «образ врага». Конечно, прежде всего главную роль играл религиозный фанатизм; по средневековым понятиям, привер-

женцы другой веры просто не были людьми. Но, кроме того, евреи — торговцы, предприниматели — материально жили несравненно лучше, чем остальное население. Синтезом обеих причин стало убеждение, что еврейство — замкнутый конгломерат, построивший свое благополучие на беспощадной эксплуатации всех иноверцев. Впрочем, антисемитизм не есть нечто исключительное. Побудительной искрой к армянской резне в Турции 1916 года стали точно такие же резоны. Процветающие общины армян-христиан, рассеянные по территории измученной войной магометанской страны, подверглись беспощадному погрому под лозунгом газавата...

Первая вспышка массового антисемитизма относится к эпохе Реформации и религиозных войн. Миф об иудейской опасности призван помочь сохранить целостность христианства. Его использовала инквизиция; именно изощренный ум отцов-инквизиторов изобрел сертификат «чистоты крови», требовавшийся при занятии государственных должностей, покупке патентов для коммерческой деятельности и т.д. Абсурдность антисемитизма скоро стала ясна, и он, казалось бы, был навсегда похоронен.

В просвещенные времена антисемитизм воспринимался как один из кошмаров средневековья.

Положение резко переменилось на пороге XX века. Европа вновь оказалась в преддверии войн и революции. Социальная напряженность резко возросла. Ощущение грядущих катаклизмов вызвало из прошлого зловещие призраки.

Возвращение мифологического чудовища — черта современного мышления, которое заставляет задуматься и задуматься глубоко. Вот что пишет об этом Бердяев: «Избранная раса есть такой же миф, как избранный класс. Но миф может быть очень действенным, может заклю-

чать в себе взрывчатую динамическую энергию и двигать массами, которые мало интересуются научной истиной и вообще истиной. Мы живем в очень мифотворческую эпоху, но характер мифов довольно низменный.» Действительно, разве тиранические культы Сталина, Гитлера, Муссолини, Чан Кайши, Мао Цзэдуна — не разрушающая мифология?

Современные почвенники любят доказывать, что в 1917 году власть в России захватили авантюристы без роду и племени. Публицистам «Молодой гвардии» даже не приходит в голову, какое глубочайшее оскорбление они наносят русскому народу (защитниками которого они представляют себя), низводят его до уровня марионетки в руках семитских авантюристов. Но все ли здесь сходится с историей, не подгоняется ли она под миф? Если мы возьмем список членов ЦК, избранный на VI съезде РСДРП(б) в июле 1917 года, то увидим, что он состоял в подавляющем числе из большевиков, находившихся во время Февральской революции в России, а не из бывших эмигрантов. Конечно, уже никто не решается открыто реабилитировать Сталина, но постоянно делаются намеки, что пока еще не все ясно относительно «московских процессов». Бесконечны сетования на то, что в Переделкине создается музей Пастернака (конечно, благодаря интригам), и никто не думает о музеях Малышкина или Серафимовича. Что ж делать? Люди, действительно, едут в Переделкино «к Пастернаку и Чуковскому», как они едут в Тарусу «к Паустовскому, Цветаевой и Заболоцкому» или в Дунино «к Пришвину». Ничего не поделаешь, время все расставило на свои места! Но только попробуй сказать что-нибудь подобное современному почвеннику, и на тебя обрушатся проклятия, не менее грозные, чем те, с которыми Хомейни ополчился на Салмана Рушди!

Напрашивается вывод, что антисемитизм в нашей стране является

симптомом болезни общества. Его можно было бы рассматривать в общем русле распространения мистических настроений. Они материализуются в различных религиозных сообществах (типа кришнаитов), увлечении экстрасенсами, слухами об НЛО. Но в отличие от перечисленного, антисемитизм не безобиден; он уже воинственно вышел на улицу. Подобно тому, как в Германии 1920—30-х годов антисемитизм был оборотной стороной арийского мифа, так у нас он — оборотная сторона русского мифа.

Попробуем подумать, что ждет нас в случае, если перестройка провалится. Не окажется ли тогда русский миф единственной идеологией, способной обеспечить консолидацию общества? Ведь не тайна, что массы разочаровались в марксизме. Арийский миф — плод национального унижения Германии; питательной почвой русского мифа являются упадок многострадального Нечерноземья, покинутые деревни, перенаселенные, задымленные, мрачные города. Если перестройка покончит со всем этим, то она покончит и с воинствующим мракобесием «Памяти». Страшно даже предположить, что будет в противном случае. Вспомним Закавказье...

К сожалению, как говорится, «история не учит»; кажется, она прошла мимо очень и очень многих. Русский миф владеет неустойчивыми душами и до некоторой степени он является альтернативой перестройке. Недооценивать опасности этого нельзя.

Национальное возрождение не может быть достигнуто упорным до фанатизма культивированием мифологии. Наоборот, в условиях повышенной напряженности, царящей в стране, пропаганда ее чревата непредсказуемыми последствиями.

Владимир НОВИКОВ,
кандидат филологических наук,
г. Москва.

Каким вступил мир в последнее десятилетие XX века? Об этом, собственно, весь мартовский выпуск нашего журнала — с понятным упором на наши «домашние» проблемы. Вначале несколько общих штрихов — фон, на котором разворачиваются отдельные события и проблемы, рассматриваемые в журнале. То, что мы воспользовались обзором из американского издания, отнюдь не означает, что мы сходимся с ним в оценках. Но — интересно же, как видит международную ситуацию «их» политология...

«ВЛАСТЬ НАРОДА»

Луиз ЛИФ

Когда болгарский парламент воспрепятствовал упразднению монополии коммунистической партии на власть на прошлой неделе, реакция народа не замедлила последовать. Рассерженные толпы собрались у здания парламента, скандируя: «Мы здесь, выходите!», — стиль, знакомый сейчас по всей Восточной Европе.

Во всем мире народные толпы лидируют, а руководители пытаются не отстать от них. В Советском Союзе Михаил Горбачев приподнял крышку котла, и теперь он чувствует, какой жар исходит от народа, который обнаруживает, что он не может употреблять в пищу гласность и перестройку. На Западе лидеры пытаются перестроиться в связи с крахом послевоенного мира и осознают, что сохранять порядок в следующем десятилетии, возможно, будет еще труднее, чем это было на протяжении последних четырех десятилетий. В Китае массовые студенческие демонстрации вначале привели руководство в замешательство, а затем вынудили его прибегнуть к кровопролитной расправе. Белые руководители в ЮАР чуть приоткрыли дверь для реформы, но активисты борьбы с апартеидом будут продолжать нажимать на нее. Палестинское восстание заставило

Израиль и ООП приблизиться к диалогу.

Почти все руководители, которые определяли ситуацию начала 80-х годов, — Рональд Рейган, Леонид Брежнев, аятолла Хомейни, Войцех Ярузельский, Фердинанд Маркос, Индира Ганди — уже ушли или, возможно, уйдут в начале 90-х годов. Но для того, чтобы ближайшее десятилетие принесло реформы, а не хаос, должны появиться новые руководители, и они должны преобразовать не только свои страны, но и самих себя. От Восточной Европы до ЮАР, Ближнего Востока, Китая и Бирмы коалиции студентов, учителей, деятелей искусства и рабочих бросают вызов старому порядку. Если руководители, которые появятся на сцене 90-х годов, не смогут быстро обеспечить процветание, справедливость и мир, предупреждает профессор Джеймс Макгрегор Бэрнс из Уильямс-колледжа, автор книги о руководстве, «сотни и тысячи простых людей будут продолжать двигаться вперед без них».

Горбачев был катализатором реформы, даже революции, в Восточной Европе, но строить новые институты гораздо труднее, чем разрушать старые. Лех Валенса и «Солидарность» мирно привели к созданию в Польше первого некоммунистического правительства после второй миро-

вой войны и указали путь, по которому идут все страны Восточной Европы, за исключением Албании. «Он никогда не изобретал никакой политической системы или идеологии, — говорит о Валенсе польский писатель Станислав Барачак, — но он обладает талантом формулировать цели».

Однако сейчас Валенса — профсоюзный деятель — сражается с Валенсой — национальным лидером. «С самой трудной проблемой он столкнулся сейчас, — говорит этот польский писатель. — Она состоит в том, чтобы трансформироваться самому». Решение Валенсы не входить в первое некоммунистическое правительство в Польше за последние 42 года, возможно, отражает те проблемы, которые он видит впереди. «Солидарность» уже начинает распадаться и, возможно, перестанет вскоре существовать в качестве национального политического движения, объединенного против коммунизма. Рабочие, вероятно, выступят против программы строгой экономии нового правительства, и Валенса, возможно, стоит сейчас в стороне, чтобы сохранить свой авторитет, который потребуется ему для того, чтобы позднее выступить в роли посредника.

В Чехословакии Вацлав Гавел, драматург и лидер поспешно созданной оппозиционной организации «Гражданский форум», стал в моральном плане путеводной звездой для перехода его страны к демократии, являя собой живое доказательство того, что простой человек, «живущий правдой», может победить тоталитарную систему. Хотя он президент, Гавел признает, что он, возможно, потребуется лишь ненадолго. «Этот переходный этап, возможно, должен иметь символических представителей, — говорит Гавел, — которые не являются политическими деятелями, но олицетворяют надежды общества».

Но чисто символическое руководство, даже если оно поднялось на волне народного энтузиазма, не даст лидерам прагматических 90-х годов возможности достичь прогресса в хаосе революции. Руководитель должен иметь политическую программу и обладать способностью выполнить ее. Корасон Акино пришла к власти в 1986 году на волне «народной власти», но ее революция забуксовала отчасти потому, что Акино не воспользовалась своей огромной популярностью поначалу, чтобы добиться проведения реформ на благо бедным.

Президент Мексики Карлос Салинас де Гортари добился лучших результатов. Он начал свою тихую революцию с меньшими фанфарами, чем Акино, но человек, над которым мексиканцы когда-то смеялись, завоевал уважение своих соотечественников, арестовав коррумпированного босса влиятельного профсоюза нефтяников, посадив за решетку снижавшего себе дурную славу биржевого маклера и обрушившись на главарей наркобизнеса.

И все же в предстоящие годы может возрасти искушение вернуться к старым, авторитарным методам. Чтобы провести демократические реформы и ослабить контроль правительства над экономикой, Салинас де Гортари значительно укрепил свои полномочия президента. После недавней попытки переворота в Маниле Акино сталкивается с новой проблемой: как примирить чрезвычайные полномочия, которые она потребовала предоставить ей, чтобы подавить мятеж, с ее усилиями по восстановлению демократии.

Повсюду в Восточной Европе поколение неопытных руководителей будет пытаться построить новые политические и экономические институты на руинах коммунизма. Напряженность может внести раскол в оппозицию и поощрить появление соперни-

чающих политических партий, борющихся за власть. Один специалист в области истории дипломатии ссылается на опыт Италии между двумя мировыми войнами: «Пять лет системы в итальянском стиле, когда премьер-министр не может сформировать правительство, а серьезные экономические проблемы будут решаться еще менее эффективно, создают атмосферу, способствующую появлению сильного лидера».

В случае с Италией это привело к фашизму. В 1919 году, когда Муссолини основал в Милане фашистское движение, в итальянской экономике царил хаос. Целая серия слабых парламентских правительств споткнулась, в то время как забастовки, рост безработицы и голод привели к росту анархии. Муссолини достиг власти,

сочетая тактику твердой руки с фашистской доктриной, делавшей упор на мистическом патриотизме, стоящем над дискредитировавшей себя либеральной демократией, и прославлявшей «луче» как национального лидера и высшее воплощение государства.

Хотя западноевропейские руководители не сталкиваются с такими же ужасными экономическими проблемами и народными волнениями, которые свергают правительства в других странах, стремительно развивающиеся события в Восточной Европе, усилия Европейского сообщества с целью объединиться в 1992 году и нерешенный вопрос двух Германий — все это подвергнет проверке их способность плавать в неизведанных водах.

НОВОЕ ВОССТАНИЕ МАСС

Татьяна ВОРОЖЕЙКИНА

СССР на пороге третьего мира

Поворот общественного мнения в СССР к внутренним проблемам, все большая концентрация советского общества на собственных альтернативах — процесс закономерный и, по-видимому, неизбежный. Большинство появляющихся сейчас международных материалов носит производный от «внутреннего интереса» характер и, как правило, в явной или подспудной форме призвано ответить на вопрос: что в опыте других стран было нами несправедливо отвергнуто, упущено и что может быть

использовано сейчас? Основная часть подобных публикаций, естественно, посвящена поэтому Западу, развитым странам.

Когда мы, опираясь на собственный негативный опыт, рассуждаем о преимуществах социально-экономической эволюции, то в сознании нашем, как правило, существует образ современных западных обществ. Они гораздо успешнее нас решили не только экономические и политические, но и социальные проблемы, обеспечив большинству своих

граждан достойный человека уровень жизни. Однако такое, интегрирующее общество, развитие пока что имело место лишь в центрах мировой капиталистической системы. Оно не было повторено ни в дореволюционной России, ни в странах сегодняшней Латинской Америки. Напротив, современные тенденции в мировой экономике, диктующие последним необходимость ускоренной модернизации, лишь усиливают дезинтеграционные процессы и ведут к росту доли тех, кто несет издержки экономического прогресса.

НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ — ДЛЯ БЕЛЫХ?

На этом фоне разительно отсутствует третьего мира в нашем общественном сознании. Его страны, если и появляются в нашей печати, то в основном для того, чтобы показать на их примере изьяны и тупики того, что недавно называлось социалистической ориентацией и что сейчас воспринимается как экспортный, навязывавшийся нами вариант командно-административной модели. Или же для того, чтобы поставить вопрос о правомерности или целесообразности нашей экономической и военной помощи соответствующим странам. При этом наиболее существенные проблемы третьего мира — слаборазвитость, голод, нищета, ежедневное попрание человеческого достоинства — остаются за пределами интересов нашей либеральной публицистики и печати в целом. Это понятно: все эти темы, активно эксплуатировавшиеся нашей пропагандой застойного периода, что называется, «навязали» и вряд ли вызовут интерес в обществе, которое за последние четыре года осознало, чего стоят его собственные социальные «достижения», и обнару-

жило у себя многие третьемирские феномены.

Менее понятно другое: почему наш прорыв к пониманию общечеловеческих ценностей, плюрализма и взаимозависимости современного мира не выходит, по сути дела, за пределы развитых стран; не сопровождается становлением объемного, стереоскопического взгляда на этот мир. Для подавляющего большинства авторов, пишущих в нашей прессе по проблемам нового мышления, сутью, ядром общечеловеческих интересов, приоритетных по отношению ко всем государствам, национальным и классовым, является предотвращение ядерной и экологической катастрофы.

Подобное мироощущение опирается на известные аргументы о равной опасности ядерной войны для всего, в том числе и третьего мира: о том, что экологическая катастрофа также в равной мере угрожает всему человечеству, что любые попытки народов и государств третьего мира изменить свое положение, ставящие под угрозу ядерную и экологическую безопасность, непременно ударят и по этим народам, и т. п. И это, несомненно, верно. Но так воспринимаем ситуацию прежде всего мы, люди «первого» и «второго» миров, — остальной части человечества она видится по-иному. Ядерную угрозу большинство населения третьего мира не воспринимает как непосредственную, во всяком случае она не является для этих людей более значимой, чем повседневное горе их жизни. Многим это кажется недомыслием, недопустимым в «послечернобыльскую эру», вызывает желание «объяснить» народам третьего мира безусловную приоритетность борьбы за мир, рождает призывы отказаться во имя нее от расклевывания лодки, от собственно третьемирских и, стало быть, поэтому более частных целей.

К сожалению, авторы подобных

призывов, как правило, не чувствуют, что для людей третьего мира такая позиция отдает хорошо известным им западо- и североцентризмом. Необходимо встать на их точку зрения и понять: общечеловеческие интересы могут считаться таковыми лишь в той мере, в какой они включают в качестве главных приоритетов — наряду с целями ядерного и экологического выживания — основные интересы трех четвертей человечества. Иначе следует честно сказать, что речь идет о выживании **белого** человека.

Мне кажется, западнцентристская интерпретация нового мышления характерна и для дискуссий о насилии в третьем мире. Насилие, как способ разрешения общественных противоречий, согласно этой точке зрения, подлежит безусловному осуждению. Двадцатый век доказал, что насилие как революционное средство оказывает разрушающее воздействие на цель, ради которой оно применяется. Общества, возникшие в результате низовых насильственных революций, рано или поздно демонстрировали свою экономическую, социальную и политическую неэффективность и антигуманность. Тем самым революция однозначно выводится за пределы основного русла общественного прогресса, и сама проблема по существу снимается...

Было бы несерьезно не признавать веских оснований за этими рассуждениями. Необходимость и границы применения насилия, его превращение из средства в цель, отношение к самой революции как к цели, подчиняющей человека, а не средству его освобождения, неизбежный и зачастую деформирующий отпечаток, который накладывает способ завоевания власти на постреволюционное общество — все эти и связанные с ними проблемы имеют прямое отношение не только к нашему прошлому, но и к сегодняшней действительности

многих стран третьего мира. Горький опыт, выстраданный одними народами, не может не воздействовать на развитие освободительного движения других.

Странно, однако, что при столь безусловном отрицании насилия и всякого «бунта» низов против существующего порядка, практически полностью игнорируется повседневное структурное насилие государства и общества над человеком, которое главным образом и рождает движения, столь безоговорочно осуждаемые. Почему-то в стране, где все помнят, как еще совсем недавно kamenели руки, если их надо было поднять против начальства, не приходит в голову простая мысль: **что** должен пережить и перечувствовать нормальный человек, чтобы взять в руки оружие и тем самым поставить вне закона не только себя, но и своих близких, детей?! Создается миф, что если бы не исчадья дьявола — «бесы», или нетерпеливые революционные романтики (что, впрочем, для многих нынешних авторов одно и то же), для которых человеческая жизнь не обладает никакой ценностью, сама общественная эволюция рано или поздно обеспечила бы России достойные человека условия жизни и его свободное развитие.

ПРОКЛЯТЬЕ ПРОГРЕССА

Согласиться с этим мне лично мешает некоторое знание реалий Латинской Америки и, в частности, впечатления от поездки в Перу. Эта страна не принадлежит ни к наиболее отсталым, ни к наиболее развитым на континенте, и с этой точки зрения ситуация в ней может считаться достаточной типичной, хотя особенности ее развития за последние двадцать лет привели к особому обострению социальной ситуации. Разрушение тра-

диционной аграрной структуры в результате индустриализации 50—60-х годов положило начало «исключению» из экономики и общества значительной части индийского крестьянства, вытесняемого этим процессом из традиционного сектора и не включаемого в современный. Попытки модернизации экономики, преодоления ее отсталости, предпринятые сначала — в 1968—75 годах — путем усиления государственного контроля, а затем — в 1975—85 годах — напротив, через либерализацию, привели, в конечном счете, к еще большей социальной поляризации. За чертой бедности оказалось около 70% населения. До сих пор экономический прогресс в Перу, как и в большинстве других стран Латинской Америки, сохраняет вершущий характер и приводит ко все большей концентрации нищеты, отчаяния и жесточенности на другом полюсе.

Все это звучит достаточно отвлеченно, пока не увидишь своими глазами. В Лиме, расположенной в прибрежной пустынной долине, могут нормально жить не более двух миллионов человек. Сейчас население города приближается к восьми миллионам, и основная часть его живет в поселках нищеты, усеявших окружающие долины песчаные холмы. Такой поселок — официально именуемый «молодым», начинается с лачуг, построенных «мигрантами» из тростниковой циновки. Следующий шаг экономического прогресса — кирпичные строения, которые лишь при большом воображении могут быть названы домами, возведенные в абсолютно голой, холмистой местности. Тут же рядом, через дорогу или через глухой забор, проведена вода и расположен утопающий в зелени иезуитский колледж или же начинается район вполне приличных вилл.

Человек бидонвиля живет как бы в двух измерениях: он видит, что про-

исходит по ту сторону стены, надежда на иную, лучшую жизнь и привлекла его в город, и в то же время он замкнут в своем собственном мире. Символом безысходности этой жизни стал для меня один эпизод. Заблудившись в одном из таких поселков, в хаосе его домишек, в бесконечных пыльных поворотах, резких подъемах и крутых спусках, мы попытались выяснить дорогу у его жителей, мужчин и женщин, сидевших у порогов домов, игравших детей. И ни один из них не знал (или не мог объяснить), как оттуда выбраться...

Именно в этой атмосфере социальной безысходности и возникло около десяти лет назад вооруженное движение «Сендеро луминосо» («Светлый путь»), практика которого дает много оснований для сравнения его с полпотовским. Зародившись в университете южного города Аякучо среди студентов — выходцев из индийских крестьянских семей, оно распространилось на сельские районы юга и центра страны, а затем получило поддержку и в части кварталов нищеты в столице. Эта глубоко законспирированная организация, исповедующая ортодоксальную маоистскую идеологию, вот уже в течение многих лет ведет войну с брошенными против нее силами армии и специальными антипартизанскими формированиями. Сендеристы убивают алькальдов городов и поселков просто как представителей власти, запрещают крестьянам контролируемых районов продавать свою продукцию в городе и карают нарушающих их порядки, проводят множество символических террористических актов, типа ежегодного взрыва линий высоковольтных передач в день рождения лидера организации «Председателя Гонсало». Армия, в свою очередь, развязала настоящий геноцид против индийского крестьянства, давно уже превзойдя «Сендеро» по чудовищности

своих преступлений.

Чем объяснить очевидную поддержку, которую получает «Сендеро» от крестьянства и городской бедноты? Что может быть общего у индейского крестьянина с организацией, которая вешает собак, символизирующих Дэн Сяопина и других китайских «отступников»? Seriously ли сводить к «бесовщине» влияние, которым пользуется «Сендеро» среди студенчества? Я видела столичный Университет Сан Маркос в момент, когда полиция вышибала оттуда бастующих шахтеров. Эти люди пришли из внутренних районов в столицу и расположились лагерем в университетском кампусе. Брошенные против них полицейские, в горной форме и в черных, закрывающих лицо масках, учинили там настоящий погром, перевернув и разбив все, что попало под руку, и увезли, сложив как дрова, около двухсот шахтеров и студентов, которые пытались их защищать. Над всем этим побоищем реял флаг «Сендеро Луминосо», и на стенах университетских зданий не было места, не занятого лозунгами и здравицами в честь «Председателя Гонсало».

Все это происходит в стране, где существует самое сильное и массовое в Латинской Америке левое движение — Объединенные левые — мобилизовавшее в восьмидесятые годы до трети электората и до сих пор имеющее реальные шансы завоевать президентский пост. Дело, однако, в том, что левые партии и организации Перу (а их около 30) традиционно вели работу в основном среди организованной части рабочего класса и крестьянства, учительства. Те же, кто нес основные издержки процесса модернизации — так называемые маргиналы и в деревне, и в городе оставались один на один с властью и с отторгавшим их обществом. И когда появилась «Сендеро», она смогла стать для этих людей защитником, плотью от

плоти в буквальном смысле (ведь это были их дети), силой, в уродливой, зачастую чудовишной форме выразившей их чаяние, их ненависть к обществу и государству, не считавшим их за людей.

Об этой стороне дела хорошо бы помнить, когда мы обращаемся к революционерам Латинской Америки, всего третьего мира с призывами отказаться от насилия (а часто и от революции как таковой), ступив на путь национального примирения и мирного решения конфликтов. Отнюдь не все зависит от их доброй воли и готовности идти на компромиссы: за ними стоит реальная действительность со своими противоречиями и реальными массами, которые вряд ли изменят свое нынешнее мироощущение, даже если им очень убедительно доказать, что через 50—100 лет общественная эволюция принесет им несравненно больше, чем революционное спрямление исторических путей, чреватое большой кровью и экономическими тупиками. Трудно объяснить безусловную ценность человеческой жизни людям, с которыми веками обращаются значительно хуже, чем с домашним скотом. Трудно проникнуться либеральной верой в экономический прогресс, если из поколения в поколение большинство населения страны служит лишь удобрием для этого прогресса.

ПЕРЕГОНИМ ЛИ МЫ ТРЕТИЙ МИР?

Когда мы говорим о массовых антикапиталистических движениях в третьем мире как о трагическом изгибе, тупиковом выбросе истории, неизбежно ведущем к установлению тоталитарных режимов, следует, по видимому, отдавать себе отчет, что в основе нашего отношения к этим движениям — отношение к самим себе, к человеческой личности как таковой.

Нельзя говорить о приоритете личностного начала, о свободе индивида в одной ситуации, одновременно отказывая человеку в праве на свободный выбор в другой. Если мы считаем перестройку революционным процессом с открытым будущим, то почему мы лишаем людей, для которых преимущества эволюции отнюдь не очевидны, права на поиск собственных путей человеческого прогресса?

Все это имеет прямое отношение и к нашим внутренним делам. Ибо вопрос о характере и направленности массового низового движения в перестройке является, на мой взгляд, решающим для ее судьбы, а отношение к этому движению становится одной из главных линий размежевания различных политических тенденций.

В 1988 и особенно в 1989 году в нашу политическую жизнь вошло массовое низовое движение, объединенное лозунгами социальной справедливости и самоуправления. Движение, крайне разношерстное, причудливо сочетающее противоположные политические тенденции, многих удручающее своим отношением к кооперативам, озлобленностью и агрессивностью. И вместе с тем это же движение продемонстрировало высокий уровень зрелости и во время выборов, избрав (там, где они были более или менее свободными) не социальных демагогов, а, как правило, людей с серьезной программой; и во время Съезда, реально поддержав его демократическое меньшинство; и в ходе шахтерских забастовок.

На этом фоне несколько смешной выглядит та элитарно-снисходительная позиция по отношению к «низам», людям с улицы, массам, легко поддающимся на манипуляции и т. п., которая, к сожалению, становится общим местом в нашей публицистике. Кажется, мы присутствуем при рождении новых стереотипов:

«массы не знают, чего хотят», «массы склонны к нетерпению и насилию», «массы не способны воспринять идеи индивидуальной свободы» и т. п. Стереотипы эти ничем, по сути, не отличаются от тех, которыми 60 лет руководствовались прежние, доперестроечные носители истины, поскольку покоятся они на том же патернализме по отношению к людям. Хочется в конце концов спросить: «Да кто же такие эти массы и из кого они состоят?», так как ни один из пишущих не допускает и тени мысли о собственной принадлежности к массе.

Презрения к ней полны не только столичные теоретики. На дискуссиях в Новосибирском университете, где мне довелось присутствовать, каждый второй студент говорил о «серой массе» как о главном препятствии перестройке, хотя сами выступавшие, к сожалению, не были обременены ни особой эрудицией, ни глубиной мысли. Ведь действительно, не от дворян же мы все происходим.

Именно движение снизу является сейчас основным каналом формирования гражданского общества. Ограничение этого движения ради «экономической модернизации» будет способствовать лишь сохранению важнейших политических барьеров, в которые столь очевидно для всех уперлась экономическая реформа.

Попытки решить экономические проблемы путем ограничения (или ликвидации) политических прав низов, привели в третьем мире к тому, что и демократические парламентские режимы, приходящие на смену авторитарным, оказываются органически неспособны решать социальные противоречия в рамках демократических структур и механизмов.

И в этом смысле латиноамериканский опыт, о котором шла речь в начале этой статьи, должен служить для нас предостережением. Наша об-

(Окончание см. на стр. 31)

ИСЛАМ: ИНОЙ ВЗГЛЯД НА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Эрнст ГЕЛЛНЕР,
Кембридж, Великобритания

Вопрос о правах человека рассматривается на Западе сквозь призму устоявшихся структур, в рамках которых эти права могут быть осуществлены. Эти структуры включают в себя государство, которое должно быть, с одной стороны, действительно сильным, чтобы обеспечить общественный порядок, а с другой стороны, не настолько всевластным, чтобы подмять под себя гражданское общество. Государство это должно быть способно предпринимать реальные действия и решать необходимые задачи, к числу которых никоим образом не относится обеспечение счастья всего человечества и всеобщей справедливости. Борьба с мировой коррупцией также не входит в функции такого государства.

Каковы бы ни были корни понятия «права человека», ныне на Западе их значение и применение стало абсолютно светским. Понятие «право человека» в равной степени относится к верующим и неверующим, не меняясь в зависимости от исходных религиозных посылов. Предполагается, что всякий человек наделен от рождения незабываемыми правами, независимо

от того, является ли он носителем какой-либо теологической доктрины или нет. Эти права не зависят от приятия или неприятия какой-либо веры. Ни значение, ни уровень применения основных прав человека не зависят от религиозных убеждений.

Этот подход к понятию «права человека», исключаящий все ограничения и оговорки, можно считать типичной иллюзией западного человека, пытающегося по-мюнхаузеновски вытащить себя за волосы из болота; этот подход явно паразитирует на той христианской религиозной традиции, которую сам же пытался дезавуировать. Но факт остается фактом: на сегодня доктрина прав человека не имеет под собой никакой религиозной основы.

ДРУГИЕ ИСТИНЫ

Давайте рассмотрим другой социальный порядок, для которого характерно государство, с одной стороны, недостаточно мощное, чтобы монополизировать право на законное насилие, а с другой стороны, предьяв-

* Печатается в сокращении.

ляющее претензии на абсолютную власть как выразитель моральной нормы. Его задача поощрять добродетель и карать порок. Его земной долг — поддерживать божественный порядок. Оно готово и способно возглавить гражданское общество, несколько не разделяя с ним власть.

Эта характеристика, совмещающая слабость и силу, не несет в себе противоречия: она жива и вполне реальна в границах исламского мира.

Первый и важнейший факт заключается в том, что мусульманин отвергает всякую мысль о том, что современный мир неизбежно становится светским — общее место современной социологии Запада.

Секуляризация не касается мусульманского мира. За исключением двух-трех случаев (например, Турции) власть религии над государством и обществом остается незыблемой, и даже напротив — она возрастает. Что особенно важно — это в равной степени относится как к консервативным районам, где у власти находятся традиционные правящие круги (Северная Нигерия, Саудовская Аравия), так и к государствам радикальной ориентации, с руководителями новой ориентации во главе (Ливия, Южный Йемен, Алжир).

Чем же это объясняется?

Правильный ответ включает несколько причин.

Монотеизм Писания, моральная чистота и эгалитаризм, провозглашенные Высоким Исламом, соответствуют моральным требованиям нового времени: неизменной остается, пожалуй, только незыблемая вера и отсутствие сомнений.

Высокий Ислам всегда подспудно присутствует в жизни широких общественных слоев, даже если его культура и не всегда просматривается с первого взгляда. Эта непрерывная связь позволяет Исламу оказывать воздействие и на самоидентификацию

новых городских масс, а также тех слоев населения, которые обретают национальное самосознание в оппозиции колониальным властям или своим собственным западным элитам (как в Иране). Исламская культура подтверждает обретение ими статуса горожанина, их единство с традиционной знатью и выражает их протест против сверхпривилегий современных правителей. Они обращаются к своим, в недалеком прошлом забытым, Великим Традициям, вдруг, как по волшебству, возродившимся к жизни.

Наличие религиозной идеологии, удивительно удачно вписывающейся в современную жизнь, по своему элегантному монотеизму, этике следования правилам в противовес этике подчинения, — позволяет мусульманскому миру избежать дилеммы, которая неизбежно встает перед странами третьего мира: принять ли внешнюю (западную) культуру или придерживаться фольклорного популизма? Мусульманский мир может пользоваться Высокой культурой своей веры, действительно исконно своей, а не завезенной извне.

Третий мир зародился в далекие времена на Рейне, и большинство стран, прошедших эту стадию развития, сталкивались с той же дилеммой. Мусульманская реакция на вызов Запада, в общем, представляет собой некую форму Реформации, т.е. очищения старой веры.

Вторая характеристика новой ситуации: государство по-прежнему остается очень сильным по отношению к гражданскому обществу. На этом этапе оно становится сильным даже там, где раньше было слабо: оно может диктовать свою волю сельскому населению, даже той его части, которая проживает в наиболее труднодоступных районах. Современная военная, административная техника и техника связи делает все

это возможным. Позиции государства остаются сильны и там, где они были традиционно сильны — в городах и в географически доступных районах жизни оседлого населения.

Можно сказать, что это не специфически исламская черта, — это характерно для всего третьего мира. Налицо определенная отсталость, при которой государство, подпираемое заимствованной извне технологией контроля, вступает в противоречие с обществом и подавляет его. Всегда легче позаимствовать технологию подавления, а не производства; к тому же, позаимствовать всегда хочется в первую очередь именно опыт насилия.

В результате насильственного наложения новейших систем насилия на отсталую систему сельскохозяйственного производства возникает новая система, обладающая способностью к самовоспроизводству. При этом насилии дает несравненно больше, чем может дать производство, и соответственно, возникает борьба за место в иерархии насилия, которая, в свою очередь, подрывает всякое развитие производственного сектора.

ДРУГАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Истинные фундаменталисты, т. е. те, кто признает главенство религиозного лидера над военным, при весьма драматических обстоятельствах пришли к власти в ходе иранской революции, продемонстрировавшей Западу всю важность мусульманского фундаментализма.

В других мусульманских странах мы сталкиваемся с разнообразными типами военных лидеров, от глубоко и искренне религиозных, до тех, чья вера может иметь чисто прагматический характер, и наконец, носителей тунисского секуляризма (не говоря уже о своеобразном и двусмысленном

секуляризме Турции). Возможно, следует различать две разновидности правителей: традиционалисты (Саудовская Аравия, северная Нигерия) и модернисты, т. е. «новые мамлюки», выпускники военных и технических школ.

Есть какая-то ирония истории в том, что чистейшим образцом клерикального фундаментализма сегодня может служить Иран. Для персов шиизм определяет стиль жизни в той же степени, в какой католицизм определяет стиль жизни поляков, а православие — сербов. В ряде стран шииты действуют полуподпольно, а в Иране эта религия характерна и для правителей, и является гарантом национального самосознания. В рамках ислама для шиитов особенно характерна **номократия** — верность закону, а также культ святых. Культ общества, культ Писания, культ Святого Владыки — сквозные темы мусульманской теологии. Именно шииты дали ответ на старый вопрос, поставленный еще Платоном: кто руководит руководителями — теологическая версия которого читается так: кто проверит толкования толкователей Писания?

Шииты отдают это право имамам. Беспристрастность и неподкупность имамов считается таковой, что их заявления принимают силу закона, и не подлежат сомнению. В результате, конечно, только имамы могут претендовать на реальную и безусловную политическую власть.

В политической практике многих, хотя и не всех течений шиитской теологии сказывается влияние идеи **Скрытого Имама**. Если истинный лидер и Пророк **скрыт**, кто-то должен взять на себя его роль. В ряде течений ислама допускается, что имам не **скрыт**, а находится открыто среди людей. Эта народная политическая теология оказывалась весьма эффективной всякий раз, когда требовалось

противопоставить закону Божественную волю и изменить систему управления.

С этой точки зрения становится понятным успех иранской революции, произошедшей не в беспомощной в военном отношении или потерпевшей экономическое фиаско стране, но, напротив, в государстве сверхбогатом, с современной непобежденной армией. Такое возможно лишь в обществе, в котором в глубинах народной памяти живет, периодически вызываясь к действию, культ Мученичества. Именно экстаз мученичества позволил шиитским мятежникам сломить вооруженные силы шахского режима. Сам Хомейни с гордостью писал об этом:

«С самого начала шиитская школа... отличалась рядом уникальных характеристик. В то время, как другие теологические доктрины пали смиренно перед властями, даже если те погрязли в коррупции и жестокости, шиизм проповедует право на протест и признает власть таких правителей незаконной. С самого своего зарождения шиизм был теологией оппозиции угнетению».

Без сомнения, шиитский культ мученичества во многом способствовал революции. Зато после революции, в ходе строительства нового общества и выработки основ его законодательства этот культ отошел на задний план.

Теперь речь идет о необходимости всемерно укреплять Закон, и следовать ему со всей верностью, и самозабвением, независимо от того, объявился ли среди людей скрытый Имам или нет.

Претворять Закон — дело правительства, и оно выполняет свой долг, независимо от Второго Пришествия. Хомейни учит, что имамы лишь временно берут на себя выполнение политических обязанностей — примерно, как я соглашаюсь в течение

какого-то времени выполнять административную работу в Университете.

Но пока Скрытый Имам отсутствует, государством должны управлять другие, наиболее пригодные для этого лица. Кто же может справиться с задачей лучше Ученых Правоведов? Органы республиканского правления, возглавляемые юристами, должны взять на себя сложные функции временного правительства.

Возникает новый Круг Справедливости — обществу требуется справедливость. Но справедливость возможна лишь там, где государство хочет и может наладить ее. Это можно сделать только руками тех, кто знает — Закон, закон доступный, так как он получил толкование. Смысл обращения к ним Хомейни сводится к тому, что они **обязаны** взять на себя эту роль, по крайней мере до пришествия Скрытого Имама, и никто кроме Имама не может освободить их от этого долга.

С учетом того богатства, которое обеспечивает нефть, вопрос об экономическом контроле за излишками гражданского общества теряет свою остроту (хотя Хомейни настаивает на применении традиционных мусульманских принципов налогообложения).

По сути, гражданское общество имеет единственный долг перед правителями — долг повиновения. В награду ему обеспечен возврат укрепленных моральных ценностей и спасение из капкана современного безбожного общества, лишённого корней и погрязшего в грехах.

Хомейни пишет:

«Святейший Пророк Господен... взял на себя проведение в жизнь Закона и утверждение на земле требований ислама, создав таким образом Исламское государство на земле. Он не ограничился провозглашением Закона, он сам творил закон, сам рубил

руки, хлестал кнутом и побивал камнями. Последователи Святейшего Пророка сегодня должны выполнять те же функции».

«Никто не говорит сегодня... об отмене смертной казни.»

«Исламское правление несопоставимо ни с одной другой формой правления. В прямом смысле этого слова оно не конституционно... Но оно конституционно в том смысле... что правитель должен отвечать некоему набору условий... которые сформулированы в Коране и в Сунне Святейшего Пророка. Поэтому Исламское правление можно назвать властью Святого Писания над людьми.»

Общая идея очевидна — мусульманский мир должен управляться священным Писанием и только священным Писанием. В отсутствие Имама, закон должны толковать и осуществлять ученые мужи. Вся власть воплощается не в Личности, но в Законе.

ДВЕ ПРАВДЫ

Можно рассуждать о том, каковой может быть концепция прав человека в этих условиях за пределами теологических границ. Сам Хомейни дает однозначный ответ:

«Ксеноманы, люди зараженные Западом... Опомнитесь...! Оглянитесь и посмотрите, кто на Западе выступает в роли защитника прав человека, каковы их истинные цели. О правах ли человека они пекутся? Или их волнуют права сверхдержав? Наши юристы не должны уподобляться им.»

Хомейни, конечно, в чем-то прав, когда говорит, что его концепция не является тиранической. Есть что-то благородное в столь беззаветной преданности закону, — за гранью всех человеческих действий.

Такой элемент всегда присутствовал в мусульманской цивилизации. Сам по себе он не мог служить сдер-

живающим фактором. Но тем не менее ссылки на вечный и неизменный Закон, провозглашенный Писанием, в сочетании с угрозой народного гнева на религиозной основе, с жадой власти сплоченных, агрессивных и независимых племен, с незапамятных времен держал правителей в узде.

Марксизм или социализм вряд ли привлечет эти массы.

Покойный писатель Талал Асад утверждает, что между Исламом и марксизмом нет ничего общего, в ответ на утверждение, что и то и другое учения стремятся навязать обществу тотальную моральную систему. Вот какой интересный аргумент он использует, чтобы доказать, что между мусульманским и марксистским социальным устройством нет общих черт:

«...достаточно лишь немного подумать, чтобы понять, что значение имеют не литературное содержание законов шариата, не текст как таковой, но то, до какой степени он наполняет и регулирует социальную практику. Нет и никогда не было мусульманского общества, где законы Ислама имели бы значение большее, чем просто фрагмента социальной жизни.»

И тут же он утверждает:

«В современных государствах... административные и правовые механизмы... несравненно более значимы и эффективны в осуществлении контроля над жизнью общества, чем когда-либо мог быть Ислам.»

Асад, безусловно, в чем-то прав: любое современное государство по целому ряду параметров всегда более эффективно, чем когда-либо было традиционное государство. Но главный вопрос не в этом, а в том, можно ли сравнивать современные социалистические государства и традиционные исламские, правомерно ли такое сравнение? И в том и в другом случае мы имеем дело с сильным го-

сударством, основанным на моральной догме, преданным некоей идее. Государство рассматривается как инструмент обеспечения этой идеи, все его действия оправданы тем, что оно ведет человечество в счастливое будущее. Оно склонно отдать предпочтение некоей высшей справедливости, по сравнению с правовой нормой справедливости.

Напротив, понятие «права человека», как оно трактуется на Западе, предполагает некую теологическую «пелену незнания»: там с уважением относятся к постулату о том, что никто не владеет абсолютной истиной; его разделяют все. Наш социальный контракт основан на признании того, что в общественной сфере нас объединяет скептицизм, а не убеждение. Объединиться можно, лишь отказавшись не только от оружия, но и от догм.

Во-вторых, расчет на развитие прав человека строится, говоря реальным языком, на наличии в обществе некоей контрсилы, способной контролировать контролеров, ограничивать государство: гражданского общества.

Такое положение вещей не позволяет государству стать монополистом на истину, способным безоговорочно навязывать всем и каждому свое, не вызывающее вопросов, представление о Вере и Законе, и быть подотчетным только Богу, но не согражданам.

Однако сегодня, когда мощная традиция и политическое поведение, основанное на этой традиции, сталкиваются с иной мощной позицией — со всей остротой встает вопрос: мыслима ли общая точка зрения на права человека у хранителей Писания и либералов-скептиков?

Голос из Триполи

ЗАЯВЛЕНИЕ МУАМАРА КАДДАФИ

Руководитель ливийской революции М. Каддафи заявил, что Ливия считает себя ответственной за положение мусульман в различных странах мира. (...) Мы заявляем, указав он, что мусульмане Советского Союза должны сбросить с себя гнет и притеснения и получить свои права в полном объеме.

В пространной речи ливийского руководителя содержались оценки положения мусульман в Болгарии, Югославии, Китае, других странах. Он также коснулся задач, стоящих перед мусульманами и исламскими организациями всего мира, призвал их к координации деятельности и объединению усилий.

(ТАСС)

«СВЕТ С ВОСТОКА»

Этот монолог, напечатанный в литовской газете «Согласие» от 30 ноября 1989 года, представляет интерес для наших читателей. Мысли, которыми делится с корреспондентом деятель Народного фронта Азербайджана Гамид ХЕРИЩИ, едва ли отражают официальную позицию этого движения, будучи в то же время — как показывают события в Закавказье — характерными для некоторых его кругов.

Народный фронт Азербайджана рассматривает СССР как дуалистическое государство: мусульманское или, точнее, тюркско-славянское. Поэтому у нас совершенно другая тактика, нежели у прибалтийских народов. Мы не рассматриваем даже возможности выхода из СССР, так как для нас это был бы выход из тюркского единства. А вот возможный выход прибалтийских республик был бы нам выгоден: на три европейских христианских народа будет меньше. Это усилит мусульманское влияние в Советском Союзе. Исходя из этого, мы должны с пониманием относиться к вашим усилиям. Мусульманам невыгоден расвал СССР и, тем самым, распад тюркского единства. Азербайджан, Киргизия, Казахстан, Башкирия, Поволжье, Татария, Якутия, Туркмения, Крым, Северный Кавказ — это все тюркские земли. И мы не намерены никому их уступать. Когда же существующие псевдодемократические движения координировали тактику борьбы с тоталитарным СССР, нашим мнением не поинтересовались, и теперь мы с ними не сотрудничаем. Как, впрочем, и с разными правозащитными организациями за рубежом. У нас иные цели, иная тактика. Хотя мы не против демократии, нет.

Тюркские народы живут значитель-

но хуже, чем вы, в Прибалтике. У вас рай по сравнению с нами. Пройдите километр по узбекской земле и успеете прочувствовать трагедию, ощутить, какой гнев в народе зреет. 25-миллионный народ дошел до предела. А казахский? Вот мы говорим: «Карабах! Карабах!» А ведь в 3 раза большую территорию отняли у Казахстана под полигоны. Тоже по своему автономные округа, только военные. Когда я говорю с казахами, киргизами, я иногда плачу, хотя я — человек не сентиментальный, жесткий человек. Я люблю правду в глаза смотреть. Этому нас наша религия учит, наш тюркский характер таков — надо быть мужчиной в любом случае.

Я был в Ферганской долине, Ашхабаде, Казани, Ташкенте, и нет у меня сил описать увиденное там. Они сотворили ад из наших земель. Предприятия плохие, условия вредные. А посмотрите на заводы в Иваново: чистота, порядок, путевки профсоюзные на отдых, женщины в халатиках. На нашей шее сидят, на узбекском хлопке работают. Но однажды мы возьмем их за горло: «Что, хорошую жизнь себе устроили? А посмотрите, как наши женщины работают в 40-градусную жару, когда даже собака ползет в тень, а люди — под пальцем солнцем!» У вас все делается

через законодательные акты. У вас заводы — в руках русских, и бастуют потому только русские. А у нас, в тюркских республиках, все заводы — в руках народа. И наше основное оружие — забастовки, гражданское неповиновение. Экономический упадок, которым пугают, не страшит: в Азербайджане 93 процента промышленности подчинено Москве и только 7 процентов — республике. Русские думали, что мы пострадем, а оказались сами в ловушке.

Я был членом забастовочного комитета и своими глазами видел телеграммы, подписанные Рыжковым, Язовым. Там, в Москве, была паника. Почти вся нефть, 95 процентов смазочных материалов, главный компонент авиационного бензина, причем для военной авиации, производится у нас. 16 августа интеллигенция обратилась к народу с призывом собрать все силы — и политические, и духовные — в единый кулак. И народный фронт добился этого.

Да, в нашей борьбе есть элементы джихада (араб. — война за веру, предписанная кораном. — Ред.): всем миром собраться, поклясться, что будем стоять до конца, что если мы проиграем, то лучше нам и не жить на свете. Но это русским кажется, что азербайджанцы вот-вот объявят джихад. Нет пока надобности в таком мощном оружии, когда все от мала до велика, и женщины тоже, идут на бой, а погибнув, по нашей вере, попадают в рай. Можно пользоваться более мирными, демократическими мерами воздействия. Это, например, блокада дорог, железнодорожных прежде всего, экономическое эмбарго.

Обратите внимание на то, как наша борьба напоминает борьбу арабского народа с Израилем: скажем, нефтяное эмбарго у них и у нас (мы его объявили и Грузии, и Армении, и России). 13 июля армяне начали блокаду Нахиче-

вани и азербайджанских сел в НКАО. Но они эту войну проиграли, когда мы начали со своей стороны блокаду. Ну, глобализируют проблему Карабаха, скажут русским, прибалтийцам, что, дескать, присоединим область к Армении, будет прецедент выхода из несправедливо установленных границ. А если мы определим проблему и глобализируем ее как конфликт христианства и мусульманства, что будет тогда? Это армяне ищут помощи извне: направили письмо в ООН, Папе римскому, американскому конгрессу. А мы, согласно нашей религии, надеемся только на себя. Хотя знаем, что за нами стоит весь исламский мир, Иран, Турция. Для армян главное — не сесть за стол переговоров с глазу на глаз. Им обязательно нужно, чтобы была аудитория: прибалтийцы участвовали или москвичи. А решать должны только два народа. Армяне свою борьбу проиграли, но никогда об этом народу откровенно не скажут. В основе всех их действий — чистый авантюризм. На недавней сессии Верховного Совета Армении выступал Зорий Балаян, воспевал славяно-армянские связи, говорил, что Армения всегда была форпостом России на Кавказе. Кто такие армяне, чтобы быть форпостом?

Вообще, Запад склоняется к своему закату. Шпенглер был, в сущности, прав. А возрождение идет с Востока. В некоторых арабских государствах создан рай на земле. В Иране, например, уровень жизни значительно выше европейского. Я был в этой стране и видел, какая высокая культура, какая у народа ответственность перед родиной, искренняя религиозность. Если развитие мировой истории пойдет так и дальше, думаю, лет через двадцать картина очень изменится. Сейчас подняли истерику вокруг Армении. Но обратите внимание, ее по-

(Окончание см. стр. 31)

НОВОЕ РУССКОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Николай ШУЛЬГИН

Национальный упадок начинается с утраты чувства национальной гордости. Время от времени Россию постигает эта напасть. И тогда даже смердяковские рассуждения «хорошо бы быть завоеванными» принимаются без особого напряжения.

Вот и эпоха гласности и перестройки вызвала всплеск подобных настроений. СССР начал восприниматься даже не как колосс на глиняных ногах, но как колоссальная куча хлама: не то ли это самоуничтожение, что заставляло святого Франциска Ассизского спать в грязи? — Тем чище он представал перед Богом.

Сегодня мы склонны считать себя едва ли не хуже всех. Сегодня мы посыпаем голову пеплом. Но это — поверхностное состояние. В глубине души русские всегда были ориентированы на социальное лидерство. Русский народ принимает ключевую для своего времени идею целиком, пронизывает ею все сферы жизни, исчерпывает ее до конца. Затем он ее отбрасывает, сменяя новой. И вновь — ключевой и лидирующей. Здесь проявляется русская соборность — совместное принятие и смена модели социального поведения.

В эпоху позднего средневековья русский народ принял монархическую идею — ключевую и лидирующую в то время. И русское общество сверху до-

низу устроилось по монархическому принципу. Русская крепостная деревня была не рабовладельческой виллой, а микромонархией, с бариним в роли царя.

Русскому народу совершенно чуждо рабское сознание. В своей глубине его душа сакральна. Он принимает лишь ту власть, которая предстает как идея русского социального лидерства. Но приняв сакрализованную идею власти, он и относится к ней с оттенком сакральности. Не к лидерам, а к самому механизму прихода к власти. Если это монархия, то сакрализуется монархия. Если это демократия, то оттенок сакральности получит демократия. И тогда «выжить» ее из народа будет очень трудно. Он терпел внешнее насилие лишь той власти, которая была уже им внутренне принята как **своя**. Власти, переставшей быть **своей**, никакое насилие не помогало.

После того, как монархическая парадигма себя изжила и утратила сакральный ореол, русский народ принял социалистическую парадигму жизни. Она воспринималась как ключевая и лидирующая в то время. Она давала России возможность оставаться социальным лидером — по имевшимся критериям («на буржуев смотрим свысока»...).

Неверно считать, что большевики навязали социализм России. Она

желала — и не могла не желать — социализма. И она его получила.

К чему сейчас говорить, что это был «не тот» социализм? Это был тот социализм, который только и мог тогда быть в России. Его принятие облегчилось и тем, что он имел точки соприкосновения с предыдущей монархической парадигмой.

Но как когда-то монархическая модель, стала со временем непригодной и социалистическая парадигма. Она перестала обеспечивать не только русское социальное лидерство, но нормальную жизнь вообще. С необходимостью встает вопрос о ее замене.

ОБОГАЩАЙТЕСЬ!

В силу алгоритма русской соборности, она может сменяться лишь самой передовой моделью. А самой передовой является та **коммерческо-экологическая** парадигма жизни, которая утверждается сейчас на Западе. Это рыночная экономика на основе частной собственности с учетом экологических факторов... — т.е. это коммерция (предпринимательство) в рамках экологии: как природной, так и социальной. Социальная защищенность — аспект социальной экологии.

Современную западную модель можно именовать по-разному. Я использую слово «приватизм» для именованья нынешнего строя на Западе, чтобы подчеркнуть примат частной инициативы. Это хорошо согласуется и с понятием приватизации, противоположным социализации.

Россия всегда много получала после того, как много теряла. Сами ее потери оборачивались приобретениями.

В соответствии с принимаемой моделью, Россия становилась великой страной. Она была великой монархической страной. Она была, пусть с известными оговорками, великой социалистической страной. Сегодня Россия — нация нищих. Западная мо-

дель делает ее нацией миллионеров и миллиардеров. Русский предпринимательский успех — новая форма русского социального лидерства.

Но русский народ склонен к принятию лишь той социальной системы, которая предстает как высшая ценность. Совместим ли дух конкуренции, коммерции и тайная устремленность к Богу? — Да. Тебе неприятна атмосфера рынка? Ты жаждешь цельности и праведности? Пусть предприимчивость станет твоей аскезой. Пусть слом гордыни презрения к рынку станет твоим покаянием. Хочешь служить Богу, а не маммоне? Служи Богу, обогащаясь, но не сливаясь душой со своим богатством. «Блаженны нищие духом», — не те, в ком мало духа, а те, кто, даже имея богатство, не поглощаются им целиком, сохраняя внутреннюю дистанцию, — и в этом смысле подобны нищим.

Русский народ смог вытерпеть 70 лет советской власти. Вытерпит он и переход к рыночной экономике. А некоторая русофобская настроенность даже среди самих русских отражает широту русской души, не боящейся самой острой самокритики.

РУСОФОБЫ И РУСОФИЛЫ

Собственно, русофобия — не только ненависть к русским или страх перед ними. Это и чрезмерный страх за них — от неверия в их силы и способности к современной рыночно-компьютерной цивилизации. Русофобия — это ненависть к тем, кто выражает живые, а не мертвые русские силы. Это ненависть к России живой, ради любви к отжитой ее оболочке. Русофобия здесь совпадает с русофилией «старого закала».

Русофилы «старого закала» желают оградить русский народ от закаляющих ветров свободной конкуренции. Такая русофилия — это любовь к национальной слабости. Носители по-

добной русофилии — это стенающая и рыдающая похоронная команда России.

Любить Россию — не значит пребывать в состоянии горести и обороны, бездумного охранительства. Любовь к России — в воле к национальному наступлению, к победе по правилам игры.

Но русскую волю пагубно размагничивают новые идеологемы. Одна из главных — обвинение евреев в инициировании большевистского режима. Тем самым, русские предстают стадом баранов, гонимым в пропасть пастухами-инородцами. Эта русофобия наиболее опасна, ибо одета в ризы русофилии — и сама громче всех кричит о русофобии. В нее могут впасть и настоящие русские патриоты.

Была ли реальная альтернатива большевизму в 1917 году? Конечно была. Это ни белая диктатура, ни либеральная республика — это еще более жестокий большевизм! Большевизм Ленина и РСДРП(б) был лишь интеллигентским и цивилизованным оформлением большевизма «плебса». Не будь первого — победил бы второй, гораздо более страшный. Белое движение и либеральная республика были слишком слабы, чтобы выжить. Широко участвуя в большевистской революции, дав ей кадры интеллектуалов и организаторов, евреи спасли Россию от тотальной пугачевщины. Они придали большевизму наиболее гуманный вариант из вообще возможных в то время. Здесь сказалась и социальная антиутопия русского народа: он дал возможность продвигаться кадрам, наиболее полезным для него в этом катаклизме.

Евреи не были инициаторами большевистского катаклизма. Они лишь плыли по течению русской стихии, подчиняясь ее законам. Их поведение целиком управлялось господствующим состоянием русского духа. Если даже «нация предпринимателей и ком-

мерсантов» вовлеклась в антибуржуазную революцию, то каковой должна была быть влекущая сила России! Русский народ вовлек евреев в революцию в своих, русских целях. И он эти цели реализовал, используя евреев в роли социального амортизатора.

Вообще, в период социальных катаклизмов большой народ склонен решать свои задачи руками малого народа. Так больше шансов сохранить чистые руки.

Юдофобия особенно зримо проявляется в обществах тоталитарного типа. Она — от неприятия либеральной социальной модели, олицетворяемой фигурой предприимчивого и либерального, страстно отстаивающего свободу личности и права человека еврея. Юдофобия — это «либерофобия». Для тоталитарного сознания еврей — воплощение ненавистной Свободы. Чем больше страна пронизана духом личной свободы, тем меньше в ней юдофобии — и наоборот. А нация, неспособная стать предприимчивой и свободной, обречена.

Юдофобия и стенающая лжерусофилия — две стороны единой воли к национальной смерти русского народа, его национальному самоубийству.

Бывают нации «эмпирическо-этнографические», бывают — метафизические и сакральные. История вторых — это земное выражение мистерии, недоступной поверхностному взору. К ним относятся русские и евреи. С высшей точки зрения, это одна и та же нация, но в разных духовно-исторических пространствах. Отсюда — и взаимное тяготение, и отталкивание, и неизбежное единение в перспективе.

АРГОНАВТЫ АДА

Еще один тезис — о преступном и ошибочном 70-летнем коммунистическом режиме. Если преступный и ошибочный режим смог утвердиться в

России на 70 лет, да еще и в условиях «враждебного окружения», то ответственность за него — на русском народе. Значит, режим отражал преступную и ошибочную совокупную волю русской нации, суммарный вектор ее устремлений. Нация, способная на преступные ошибки таких масштабов, потенциально опасна для человечества.

Но в этом тезисе истины не больше, чем в модном накануне 1917 года тезисе о преступном и ошибочном режиме 300-летней монархии Романовых. В рамках коммунистического режима допускались ошибки и творились преступления, но сам по себе он не был ни ошибочным, ни преступным.

Данный режим был необходим для национального выживания и быстрого перехода к индустриальному обществу в то время, когда в мире господствовал **имперский принцип завоевания**. После того, как в мире имперский принцип умер, быстро стал терять смысл и коммунистический режим в России. Но в свое время он имел право на жизнь. Не все было плохо, но все имело свою плохую, даже очень плохую сторону.

ГУЛАГ — абсолютное зло. Но испытать, что есть абсолютное зло, в каком-то смысле человечеству необходимо. Это нужно пережить, чтобы его изжить. Русские стали **аргонатами зла**. Они освоили новое экзистенциальное пространство — ГУЛАГа и Колымы. Они пришли, осмотрелись и — ушли оттуда навсегда. Вместе с ними оттуда ушло все человечество. Такую же экзистенциальную миссию осуществили евреи в нацистской Германии. Приняв на себя главное зло человечества, русские и евреи стали его талисманом счастья.

За 10—20 лет коммунистический режим сконцентрировал все то зло индустриализации, которое развлялось столетиями в Западной Европе. Конечно, развиваться можно было и с

меньшими потерями. Но как конкретно, не будь коммунистического режима в России, проявлялся бы в мире имперский принцип?

Процветающая Россия — опасность для статуса других сильных держав. Вполне был возможен англо-германский союз при нейтралитете Франции и вторая русско-германская война — где Россия была бы уже без союзников. Русская Средняя Азия бунтовала бы, наверное, не меньше, чем Британская Индия. В общем, при отсутствии коммунистического режима Россию мог ждать не столько безоблачный прогресс, сколько блок агрессивных опасных соседей. Внутринациональные раздоры, включенность в мировую экономику повлекли бы те же кризис и стагнацию, какие были в 30-х годах на Западе.

В новой войне Россия могла ожидать судьба Франции 1940 г. с последующим тотальным национальным геноцидом, подобным тому, что постиг евреев в нацистской Германии. Из огня советской системы мы могли попасть в полымя вообще бог знает чего. Так что неведомо — «погубил» ли коммунистический режим Россию, или спас ее для будущего, в которое она еще явится во всем величии и красоте.

Неправомерны также обвинения в геноциде русского народа. Из чего следует, что, тотально истребив все умное, живое и честное, система превратила русских в бесперспективную нацию.

Это обвинение смешивает окультуренность и талантливость. Русская интеллигенция — это таланты окультуренные и проявленные. Русский «плебс» — таланты неокультуренные и потенциальные. Когда старая интеллигенция была вытеснена из социальной жизни, общий уровень талантливости русской нации не снизился. Но снизился — и подчас резко — общий уровень окультуренности. Именно в

этом, а не в «истреблении генофонда», вина лидеров коммунистического режима. Но степень окультуренности восстанавливается быстро — за 1-2 поколения. А широкое влечение евреев в культурную жизнь России после рево-

люции значительно уменьшило и эту потерю. Здесь вторая, после гуманизации большевизма, заслуга евреев перед русским народом. Ни один другой народ в мире не сделал для русской нации так много полезного.

О ЧВАНСТВЕ

Незадолго до своего расстрела поэт Б. Корнилов писал:

... Я стихи сочинял о Свири,
о воде ее цвета травы
и о том, что в огромном мире
только мы, как всегда, правы...

Весь мир шагал не в ногу, одни мы — в ногу! Несколько поколений советских людей непоколебимо верили в избранность нашего общества и народа, нашей страны и политики. «У советских собственная гордость: на буржуев смотрим свысока» (В. Маяковский). Поэт вторил тирану, объявившему, что последний советский человек на голову выше любого высокопоставленного заокеанского чинуши...

За колючей проволокой, за «железным занавесом», отделившим социализм от эволюционирующего, стремительно развивающегося мира, в жуткой обстановке злобы, невежества, подозрительности и шпиономании, скрытой за ханжеской вывеской «борьбы за мир», распускался цветок советского чванства.

Вроде не так много воды утекло с тех пор, но в наше время уже невозможно воссоздать атмосферу тех лет, когда советская наука, заразившись паранойей у вождя страны и партии, выступала посмешищем всего мира. Наши шаманы с правами Великих Инквизиторов, преимущественно ака-

демики, вещали со страниц партийных газет, что гены — злобная буржуазная выдумка, что пшеница способна самопроизвольно переходить в рожь, а рожь — в овес...

Как сказал впоследствии крупнейший ученый П. Л. Капица, «понадобился взрыв атомной бомбы, чтобы заставить наших философов перестать упражняться в невежестве».

24 мая 1945 года в Кремле, в обстановке всеобщего преклонения, сходной с той, в которой в 1939 году И. В. Сталин пил за здоровье А. Гитлера, великий вождь решил выпить и за многострадальный русский народ:

— Я пью за здоровье русского народа... Иной народ мог бы сказать правительству — «Вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь!..» Но русский народ не пошел на это!

(Те, кто попробовал пойти, к тому времени уже «ушли» — кто в концлагеря, кто на тот свет.)

Вымуштрованный аппарат немедленно начал проработку «русского вопроса». Началась мракобесная борьба с «низкопоклонством перед Западом»: был создан специальный Институт истории техники АН СССР, из стен которого мелким горохом посыпались кандидаты и доктора наук, делавшие блестящую карьеру в новой отрасли знания: выявлении величайшей роли русской науки и ее определяющем вкладе в мировую науку. Русские уче-

ные, оказывается, наоткрывали все, что только можно. Русскими изобретениями оказались воздушный шар и закон сохранения вещества, паровая машина и двигатель внутреннего сгорания, железные дороги и паровоз, трактор и комбайн, а также самолет, радио, электрическая лампочка; даже такая мелочь, как шайба Гровера получила новое название — пружинная шайба... Фальсификация и подлог стали обычным методом «доказательства». В те времена остряки осторожно шептали на ухо проверенным знакомым, что, как совершенно точно доказано, первый слон родился именно в России... Естественно, что кроме огромного морального ущерба вся эта компания русскому народу, отечественной науке ничего не принесла.

Как говорил Аркадий Райкин: «Зачем мне учиться, когда я уже вполне могу учить других?»

СССР — центр мирового коммунистического движения, оплот мира и социализма, знаменосец мира во всем мире! Весь мир учится у нас, весь мир идет нашим путем, у нас — сталинский план преобразования природы, величайшие каналы, крупнейшие ГЭС, самый счастливый народ, лучшее в мире метро, а уж вождь — просто корифей всех времен и народов.

И звезды сильней заблистали,
И кровь ускоряет свой бег,
И смотрит с улыбкою Сталин:
Советский простой человек.

Другого такого не было во веки веков. Аминь.

Ситуации повторяются. Русский историк В. О. Ключевский писал:

«Когда Московское государство стало устраиваться после татарского ига, ему понадобились разнообразные технические знания. Оказалось, что русский человек не имел их, и не хотел приобретать, считая их низкими и суетными: пришлось сманивать и вы-

крадывать техников из чужих земель...

Гордый русский интеллигент очутился в неловком положении: то, что знал он, оказалось ненужным, а что было нужно, того он не знал. Он знал возвышенную легенду о нравственном падении мира, о преображении Москвы в третий Рим, а нужны были знания артиллерийские, фортификационные, горнозаводские, медицинские... Он мог по пальцам пересчитать все ереси римские, лютерские и армянские, а вопиющих домашних пороков не знал или притворялся не замечающим.»

Не так ли и мы старательно перечисляли и классифицировали пороки капитализма, считали зарубежные расходы на вооружение, громили безнравственность, наркоманию, забастовки и безработицу в чужих землях, старательно забывая о собственных. Не здесь ли таится величайшая опасность нашего развития?

Современная эпоха, политика перестройки дают нам надежду освобождения от рабства сталинщины. А вот национальное чванство? От него мы пока не избавились.

Победоносные вторжения в Венгрию и Чехословакию — это уже наше время, наше поколение. Обучение «нравственным нормам» под солдатским сапогом, под гусеницами танков — это ли не государственное чванство? Обидно, что его все равно весь мир соотносит с проявлениями **русского** национального характера.

Афганистан — несмыаемый позор, но он был абсолютно естественным на фоне партийно-правительственного чванства брежневской эпохи. Вспомним раздутые, неправдоподобно самодовольные физиономии ближайшего брежневского окружения. К сожалению, маразм власти всегда неизбежно заражает и народ. Спившаяся страна, накачиваемая воспоминаниями о прошлых победах, — разумеется, военных, в бряцании заслуженных и неза-

служенных медалей, стремительно отстающая от развивающегося мира...

Грустная картина.

«Слава советскому народу!» — За что, собственно, «слава»?.. Десятки лет мы жили под райские напевы самовосхваления, убеждавшие себя в праве руководства всем миром. Гласность позволила увидеть и понять лишь часть собственных недостатков. Грядущая свобода слова, вероятно, сделает нас зорче к глубинным порокам общества и системы.

В Нагорной Проповеди Христос сказал:

1. Не судите, да не судимы будете;
2. Ибо каким судом судите, таким

будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить.

3. И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь?

4. Или, как скажешь брату твоему: дай, я выну сучок из глаза твоего; а вот в твоём глазе бревно?

5. Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего. (Евангелие от Матф., Гл. 7).

Всё сейчас сбывается.

Александр ПОРТНОВ,
г. Москва

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

(Окончание со стр. 16)

щая экономическая отсталость, низкий уровень технологического развития, с одной стороны, и заработной платы большинства населения, с другой, все это говорит о том, что не Англия и Швеция станут моделью нашего ближайшего да и среднесрочного будущего, а — Перу, Колумбия, Юго-Восточная Азия. И, к сожалению, наша действительность полна разнообразными подтверждениями этого — от Сумгаита до Ашхабада, Ферганы и Нового Узеня.

Если считать, что лишь развитие рынка и максимальная либерализация экономических процессов ведут к

современному обществу, то тогда, действительно, нет пути, кроме новой диктатуры. Но никакое движение к демократии невозможно без учета интересов подавляющего большинства населения в качестве **столь же приоритетных**, как и цели экономической модернизации. И за растущим недовольством народа видны не только зависть и уравнилельные настроения, но и реальные стремления реальных, живых людей, поскольку в конечном счете неважно, ради чего они игнорируются: во имя революции и тоталитаризма или во имя рынка и экономической эффективности.

ПРОБЛЕМЫ И СУЖДЕНИЯ

(Окончание со стр. 24)

ражение совпало с поражением всех христианских сил вообще. Люди, говорящие об идее общеевропейского дома, просто хотят снять противостояние Восток — Запад и утвердить новое Север — Юг. И СССР подключить к себе. И кто это предлагает? Франсуа Миттеран, который с 1954 по 1958 г. был министром внутренних дел Франции и имел прямое отношение к массовым убийствам алжирских

мусульманских муджахидов. Этот человек, у которого руки по локоть в мусульманской крови, говорит о правах человека! Идея общеевропейского дома потерпит фиаско, так как этот дом даст трещину в СССР. Без трагедий не обойдется. А что касается муждуособиц в мусульманском мире, то они способствуют единению тюркских народов, утверждению ислама.

ЕСЛИ ПРАВИТЕЛЬСТВО ВСЕ ПОНИМАЕТ...

Лариса ПИЯШЕВА,
кандидат экономических наук

Поступь официального экономического мышления

В свое время Отто Лацис сказал: «Не толкайте нас под руку», «Не мешайте нам перестраиваться». Леонид Абалкин говорит: «Не мешайте нам работать», «Правительство ясно понимает и глубину кризисных явлений и опасность последствий действующих тенденций».

Смыслов во всем этом два: вы, крикуны, сидите и не встревайте, нам поручено, и мы, профессионалы, — выполним. А второй — когда выяснится провал большого «стратегического замысла по обновлению социализма» и потребуются к ответу виновные, список «отравителей общественной атмосферы» будет уже готов.

Так почему же, если «правительство ясно понимает», — все разваливается? — вправе спросить я шепотом из своего «экстремистского» лагеря. Разве не потому, что в 1989 году размер денежной эмиссии составил 18 миллиардов рублей, что в полтора раза больше, чем в предыдущем году, в 1990 году он составит еще 10 миллиардов, а сколько он составит в 1991-м еще никто не знает? И разве не потому, что размер государственного долга составляет 400 миллиардов ру-

блей, а одни только годовые затраты, которые мы выплачиваем по процентам составляют почти 9 миллиардов, а еще 6 миллиардов тратим на «обслуживание» долга внешнего? И не потому ли еще, что масштаб накопленный в ВВП у нас почти в два раза больше, чем в США, а эффективность их почти в два раза ниже, чем у них? А может быть, еще и потому, что мы, не выполнив ни одну из двенадцати пятилеток, теперь планируем тринадцатую?

А может быть, Л. Абалкин заблуждается и правительство не понимает ни причин кризиса, ни опасностей, которые он нам несет? Ведь сказал же М. Горбачев: «Я верю в безграничные возможности социализма». И добавил, что развивать «социалистический рынок» надо, «сохраняя плановое регулирование». Кто же из экономистов внушил ему этот абсурд — «плановое регулирование» рынка?

Сама-то я причисляю себя к числу наиболее активных, решительно настроенных «перестройщиков», разделяющих волю М. Горбачева к радикальным реформам. Волю, но не

платформу! Ибо платформы у перестройки как не было в самом начале, так нет и теперь. И именно это отсутствие платформы, четкой политической программы и конкретной стратегии по ее осуществлению обусловливает тот факт, что при общем сознании необходимости демократизации и либерализации нашей экономической и социальной жизни, главной антиперестроечной силой на сегодняшний день выступают сами реформаторы, которые своей политической вялостью компромисса, «малых шагов» сразу в двух направлениях (вперед и назад) вот уже четыре года раскачивают, но никак не могут сдвинуть с места нашу «лодку».

Экономическая ситуация 1989 года была далеко не равной той, с которой началась перестройка. Она резко ухудшилась. И четыре года назад мы опоздали с реформами минимум на 60 лет. Теперь мы опаздываем намного больше. И экономический, и социальный (в том числе национальный), и политический кризисы маячат перед нами, напоминая о великих катаклизмах прошлого. И в этой ситуации выражения типа «правительство знает», «не мешайте нам работать», звучат, мягко говоря, не убедительно.

В «Известиях» за 1 февраля 1989 года в анонимной статье «Перестройка и ответственность» был всенародно уличен в безответственности академик А. Д. Сахаров, заявивший, что положение М. Горбачева резко пошатнулось. Обвинение в безответственности можно смело переадресовать правительству. Безответственность нынешней политики проявилась в первую очередь в отношении к кооператорам — «детичу» перестройки. Не обеспечив им ни нормальных экономических условий для коммерческой деятельности, ни защиты от партийной бюрократии, организованной мафии и рэкетиров, кооператоров фактически подставили

под «гнев народный». Я заявляю с полной ответственностью, как участник заседания Научного совета АН СССР под предводительством академика А. Агенбегяна: ученые заранее предупреждали о подобном сценарии событий. Приходится признать, что либо Председатель Совета не довел до ЦК КПСС мнения ученых, либо этим мнением просто пренебрегли.

Правительство, позволившее принять такой план, такую пятилетку, и такую стратегию перестройки, ведет нас в пучину инфляции и экономического краха, не желая ничего слышать о том, что не малое народное трудовое усердие, и не порочность людская заводят нас все дальше в болото неэффективности, а институты собственности и власти, которые Генсек вместе с «тремя богатырями» — Госпланом, Минфином и Совмином называют «нашими социалистическими завоеваниями».

... На XI съезде РКП(б), на котором шла речь о нэпе, В. Ленин говорил: «За этот год мы доказали с полной ясностью, что хозяйничать мы не умеем. Либо в ближайший год мы докажем обратное, либо Советская власть существовать не может». Сталин опроверг ленинский прогноз. Он доказал, что Советская власть может существовать, не умея хозяйничать, ибо у страны имеются огромные людские и природные ресурсы, которые можно пустить в расход.

Что изменилось с XI съезда РКП(б)? Доказала ли Советская власть, что она умеет хозяйничать? В докладе «О государственном плане экономического и социального развития СССР на 1990 год» («Правда», 26 сентября 1989 года) первый зам. Председателя Совмина СССР Л. Воронин перечислил восемь «негативных явлений и тенденций, особенно сильно проявившихся за последние два года»: 1) повышение политиче-

ской активности масс; 2) демократизация управления экономикой; 3) достигнутая сегодня экономическая самостоятельность; 4) кооперативное движение; 5) всплеск межнациональных и забастовочных конфликтов; 6) снижение плановой и договорной дисциплины; 7) ослабление дисциплины цен. Восьмой грех, в котором он обвинил общество, — необоснованный и нерегулируемый рост оплаты труда, дестабилизирующий внутренний рынок на фоне неудовлетворительной работы.

Простой перечень явлений, отнесенных оплотом системы в разряд «негативных», говорит о том, что Госплан стоит по другую сторону баррикады. На одной стороне — Общество, которое именно в повышении политической активности масс, в демократизации управления экономикой, в экономической самостоятельности и кооперативном движении видит источник перемен, а на другой стороне — Государство (Госплан), которое неразвитостью рынка, отсутствием рыночного ценообразования, конкуренции и соответствующих ей институциональных основ обосновывает необходимость нового наступления плановой диктатуры, не желая называть действительных причин, по которым наша экономическая жизнь пошла в полный разнос.

Именно отсутствие живительной силы рыночных отношений загнало нас в эпицентр сразу трех кризисов — большого структурного, малого конъюнктурного и глобального — идейного (идеологического).

Структурный кризис, аналог которого переживал Запад с середины 70-х годов, пришел к нам в гораздо более острой форме, связанной с тем, что на протяжении длительного периода мы плохо, мало и неэффективно обновляли нашу экономическую инфраструктуру, не осуществляли в дол-

жном масштабе модернизацию и рационализацию производства, не обновляли в должной мере парк оборудования, консервировали устаревшие технологии, производили плохого качества и морально устаревшую продукцию, тормозили ход научно-технического прогресса и на корню душили все реформы предпринимательства и частной инициативы. В этот большой структурный кризис с ярко выраженными диспропорциями — гипертрофированным развитием добывающих и металлообрабатывающих отраслей и недоразвитостью отраслей обрабатывающих, собственно создающих предметы потребления, завел нас наш главный творец пропорциональности — Госплан с его «законом планомерного и пропорционального развития» и планированием экономической жизни по пятилеткам, заранее выстраивавшим тот жесткий корсет, который неизменно отторгал всякие новшества и всякую инициативу.

Заведенная у нас система перераспределения — изъятие главной части прибыли предприятий в бюджет в целях централизованного распоряжения ею — позволила осуществить «изобилие» убыточных великих и малых строек, породив дефицит средств для модернизации и поддержания системы в рабочем состоянии. В результате социалистическая промышленность оказалась не в состоянии прокормить собственное население, то есть поставила нас в классическую ситуацию слаборазвитой страны, в которой из-за неразвитости экономической инфраструктуры выживают не все, а только часть населения. И это — несмотря на богатейшие природные ресурсы, многообразие климатических условий и необъятность территории.

Наш структурный кризис столь глубок, наше технологическое отставание столь велико, наши станки,

оборудование и технологические процессы столь стары, что потребуются громадные материальные и духовные усилия для того, чтобы выбраться из этой ямы. Но неперемнным условием начинающейся в стране структурной перестройки является ликвидация пятилетних планов.

13-й пятилетки быть не должно! Это — первое условие перехода к рыночной экономике со здоровыми ценами и целительной конкуренцией. Пока Госплан и Совмин считают, что 1990 год «должен будет подготовить материально-технические и законодательно-экономические предпосылки для поступательного развития народного хозяйства в следующей пятилетке», из большого структурного кризиса нам не выбраться.

Одна из причин переживаемого нами сегодня «малого», конъюнктурного кризиса — выбранная правительством стратегия перестройки: правительство так и не приняло предельно ему для обсуждения альтернативы «план» или «рынок», а безуспешно пыталось «прививать» элементы рыночных отношений к государственному планированию.

В чем же, спрашивается, перестроечная новизна? — В **новой цели**, которая формулируется как «планомерное регулирование рынка». Речь, по-видимому, идет о чем-то очень экзотичном, ибо что такое «планомерное регулирование рынка», экономическая наука, как мне кажется, до сих пор не знала.

Экономический кризис, возникший в результате попытки «планомерного» перехода к рыночным отношениям через изменение слова «план» на слово «госзаказ», обязательный к выполнению, но чуть заниженный по отношению к стопроцентному плану, мы уже получили. Теперь было предложено госзаказ оставить как он был (с выделенными под него лимитами на сырье и материалы и централизо-

ванно установленными ценами), а на остальную продукцию (сверхплановую) разрешить самим устанавливать договорные цены. Давайте будем реалистами. Если предприятия будут обязаны 80 процентов своей продукции реализовать по дешевым — государственным, а двадцать — по свободно-высоким монопольно-договорным ценам (а при отсутствии конкуренции вариант свободных низких цен по крайней мере на ближайшую пятилетку исключен), нетрудно представить себе сценарий событий.

Результаты политики «двойных цен» мы уже смогли наблюдать. Государственным предприятиям оказалось чрезвычайно выгодно объявлять цеха, выпускающие потребительские товары, «кооперативными», и, пользуясь монопольным положением, в три-пять, а то в десять раз повышать цены на ту продукцию, которую они должны были продавать по государственным ценам (эффект «кооперативного сервелата»).

Думается, что тоже самое произойдет при готовящейся теперь двойной бухгалтерии цен. Поскольку объем реализуемой в свободной продаже продукции будет существенно сдержан госзаказом, эти цены будут непомерно выше тех, которые установились бы на рынке в случае, если бы не 10—20, а все 100 процентов продукции реализовалось бы по свободным рыночным ценам.

Есть большая вероятность того, что поэтапный, «планируемый» переход к рыночному ценообразованию обернется для потребителей быстро текущей реформой по взвинчиванию цен, еще большим обострением дефицита и расширением теневой экономики. При этом сырьевые отрасли, которым государство намерено пока что устанавливать прежние «заниженные» цены, а затем планомерно и методично их повышать, могут «хлопнуть» от несправедливости, заклю-

ченной в том, что отраслям, работающим непосредственно на потребительский рынок, будет позволено самим определять цены на сверхплановую продукцию. Есть большая вероятность, что по психологическим причинам такая реформа не пройдет.

Что стоит на пути? Идеология. Наше самое больное и самое уязвимое место. Во всех своих интервью Л. Абалкин, призванный лечить нашу экономику, не устает повторять: «Стратегический замысел реформы остается неизменным. Она — составное звено перестройки, решающее условие обновления социализма». Казалось бы, ну что нам за разница — как назвать наше новое перестроечное общество? Оказывается, разница есть. Ибо установка на «обновленный социализм» влечет за собой паллиативность законодательных актов, неработоспособность предложенных мер и двусмысленность самих позиций. Сказав кооперации — да, следовало все сказать до конца: поставить вопрос о частной кооперативной собственности, о свободных рыночных ценах, без которых никакой кооперации не будет, о льготном налогообложении для нарождающегося нового сектора в экономике, и, наконец, защитить и кооперативы-перекупщики, объяснив депутатам их функцию, — закрыть дыры в снабжении и хоть как-то балансировать спрос и предложение. Всего этого сказано не было. В результате чего и стало возможным вынесение на голосование вопроса о закрытии части кооперативов и государственном контроле над их ценами.

Другой пример — в вопросе о собственности. Казалось бы, что может быть проще — признать право на частную собственность на средства производства — и гора с плеч. Ан нет. В условиях социализма должно существовать «многообразие форм социалистической общественной собственности и собственности гра-

ждан». «У нас пять-шесть различных форм собственности». Теперь нам предстоит сделать «новый принципиальный шаг»: «Признание возможности существования нескольких собственников у одного и того же объекта. Речь идет о том, что имущество может принадлежать одному или одновременно нескольким собственникам. В частности, это касается таких объектов, как земля, природные ресурсы, которые могут быть одновременно как общесоюзной, так и республиканской собственностью. Здесь просматривается формирование такого нового феномена, как союзно-республиканская собственность». «Это ново, непривычно, но полностью отвечает реалиям нынешнего состояния общества».

Этакая греза о новом социалистическом завтра, в котором собственник республиканский отдает в аренду взятый им в аренду у собственника союзного кусок земли индивидуалу, который за определенный ему оброк, и еще небольшую взятку одному из двух, или сразу двум собственникам, распашет этот кусок, посеет на нем хлеб и законкурирует с хлебом государственным, потеснит хлеб канадский и решит, наконец, нашу злополучную продовольственную проблему!

Речь, фактически, идет о том, как сделать человека хозяином, не вернув ему собственность. («Далеко не всегда для того, чтобы быть хозяином, надо быть собственником», — услышали мы с трибуны Верховного Совета). Или, другими словами, как вменить не являющемуся собственником гражданину «все бремя ответственности, которое лежит на подлинном хозяине».

Сознают ли сами участники этой грустной комедии с социалистическим прологом и социалистическим эпилогом подлинный смысл происходящего?

СЦЕНАРИЙ ИГРЕК,

ИЛИ ГИПОТЕЗА О РУКОВОДЯЩЕЙ РОЛИ ПАРТИИ В 90-Е ГОДЫ

Симон КОРДОНСКИЙ

Все устали от революций, в том числе и от той, что называется перестройкой. Растут дети, не знающие вкуса хороших конфет, да и взрослые все чаще вспоминают времена застоя, когда колбаса пахла колбасой. Хочется чего-то стабильного, пусть даже и нищего по сравнению с заевшимся Западом и «догнивающим» Востоком.

Но перестройка не должна привести к тому, что одни социальные группы, сопротивляясь, скатятся вниз социальной иерархии, а другие прорвутся к распределению пирога, суля всем остальным крошки. Горький опыт революционных преобразований свидетельствует: чтобы выжить, надо просто смириться с тем, что есть богатые и бедные, власть имущие и не имущие, такие, какие они есть. Перестраивать наше общество надо так, чтобы контрасты социального устройства стали более мягкими и не столь конфликтными. В этом случае нас ждут десятилетия медленного развития, направляемого рынком и международными организациями, периодически прерываемые кризисами экономического и политического характера.

Если же взбудораженное общество решится на очередной всеобщий передел, то впереди — гражданская война, репрессии прогив богатых и властных, в ходе которых беднее и ущербнее станут все. Катастрофы не

выбирают жертв, и в первую очередь пострадают дети и старики, женщины и провинциалы, волею судеб оказавшиеся в местах столкновений и конфликтов. В предчувствии этого многие бегут с корабля — посмотрите на очереди у посольств, принимающих заявления на выезд из страны, и на активность малых республик, спешно вырубаящих с краев шестой части суши национальные островки, деля людей на чистых, достойных спасения, — и нечистых.

ПАРТИЯ НА РЫНКЕ

Изменение социальной структуры нашего общества, которое даст возможность некатастрофического развития, в первую очередь затрагивает проблему руководящей роли КПСС, ее аппарата и номенклатуры.

Партия выступила инициатором перестройки, которую она предлагает принимать как отчуждение экономической власти от своего аппарата при сохраняющемся доминировании КПСС в идеологической и политической сфере. Партийные теоретики считают, что если они ликвидируют отделы центрального и провинциального аппаратов партии, то они тем самым отойдут от партийного руководства экономикой. Предприятия и организации, оставшись без партийного руководства, тут же организу-

ются в рынок — конечно же, социалистический. Семьдесят лет рынок и рыночные отношения понимались в нашей стране как нечто слепое и стихийное, противопоставленное и противодействующее конструктивной активности партии и государства. Целью организующей работы партии было уничтожение стихийности, достижение полной плановости и соразмерности в развитии отраслей народного хозяйства. Невысказанное содержание этой мировоззренческой позиции состоит в том, что как только партия ослабит свои усилия, все станет на свои места: возникнет рынок, а вместе с ним — изобилие товаров и услуг, включение в мировое экономическое сообщество.

Эти представления ни в коей мере не соответствуют реальности нашего социально-экономического устройства, что и продемонстрировали пять лет перестройки: партия пытается не вмешиваться в экономику, а следствием этого становится уже не продовольственная проблема, а голод, и не дефицит товаров, а нищета.

Рынок и рыночные отношения являются универсальной формой интеграции и соизмерения результатов разных форм человеческой деятельности — экономической, политической, научной, технологической. Рыночные отношения неиерархизированы, и любые попытки навязать рынку несоответствующие его законам тенденции обречены на неудачу. За сотни лет сформировались, тем не менее, иерархические внутрирыночные структуры — такие как биржи рабочей силы, фондов, валютные рынки, банковская система, которые вследствие своей встроенности и организующей функции, могут влиять на отдельные его состояния.

Функции рынка в СССР узурпированы государством победившего социализма. Рынок в социалистическом обществе вовсе не уничтожен, он во-

площен в самое государство, отдельные иерархии которого выполняют рыночные функции: они определяют потребности, назначают стоимости, распределяют материальные блага и частично сами потребляют произведенный государственной экономикой продукт. Социалистическое государство со всеми его институтами представляет собой искаженную версию рынка. Другого рынка в этом государстве быть не может. Оно впитало в себя рынок, как и все другие системы отношений, и различные по форме (но не по результатам) отношения стали конституирующими компонентами государственного устройства. Локальные, лишенные единого эквивалента обмена, пронизывают все государство, обеспечивая его выживание и реагирование на быстро меняющиеся условия внутренней и внешней конъюнктуры. Эксплуатация людей, которые не могут по своей человеческой природе не производить, да проедание богатства, накопленного за десятилетия развития капитализма в России и на захваченных в процессе восстановления Российской империи территориях, позволили государству просуществовать эти десятилетия. Теперь съедено, присвоено и обменено все, и необходимость положить зубы на полку вызвала у государственных деятелей мечту о перестройке.

ЕСЛИ ПАРТИЯ УЙДЕТ

В государственной системе победившего социализма партия выполняет чрезвычайно важную структурную функцию. В обществе, где все стремятся присвоить побольше, партия ограничивает устремления государственных институтов и отдельных граждан. Партия определяет, какие социальные группы и сколько должны присваивать, и в соответствии с заданными так потребностями орга-

низует производство: выпускает ценные бумаги-постановления о развитии той или иной отрасли и организует своеобразный рынок этих ценных бумаг.

Партии в рыночной экономике в этой ее роли соответствует фондовая биржа и сопряженные с ней экономические институты. Партийные и государственные чиновники, точно так же, как и маклеры, в каждый момент точно знают, чего стоит то или иное постановление, и соответственно ведут себя. Кабинеты партийных чиновников уже давно стали местом заключения сделок, формирования стратегии и тактики обменной активности. Без руководящей роли партии в этом весьма сложном и тонком деле предприятия и организации оказываются лишены связей и координирующих центров. Единственным, но весьма существенным отличием деятельности партийных чиновников от деятельности маклеров и брокеров является полное отсутствие финансовой ответственности первых за результаты деятельности.

Партия контролирует отношения присвоения и тем самым выполняет интегрирующую роль во всей социально-экономической системе. Именно эту функцию партии никак нельзя отменить, как нельзя из традиционного рынка исключить биржи ценных бумаг, капиталов, рабочей силы — наступит хаос. И у нас он действительно наступает, вернее — усиливается после демонстративного отказа партии играть руководящую роль в распределении материальных потоков и благ.

Страна, направляемая КПСС на пути перестройки, повторяет путь Югославии, Венгрии, Китая, Польши, где реформы начались с идеологических и политических преобразований. Советские обществоведы как-то забывают, что успехи сельского хозяйства в Китае связаны не с кон-

структивной активностью КПК, а с тем, что китайская община сохранила трудовой потенциал и те внутренние отношения, которые позволили при снятии внешних запретов и ограничений развернуть полномасштабное, хотя и примитивное сельское хозяйство. Венгрия обеспечила экономическое развитие не благодаря руководящей роли ВСРП, а потому, что относительная национальная однородность и стереотипы социальных отношений позволили развить параллельные государственному производству структуры, выходящие непосредственно на традиционный рынок с конвертируемой валютой.

СССР, следуя по пути реформистских социалистических стран, рискует воспроизвести все их кризисы и напряжения в апокалиптической форме. Ведь все структуры этих стран, компенсирующие государственную организацию экономики, полностью отсутствуют у нас. Китайский вариант не проходит — крестьянство уничтожено как класс. В стране нет национальной общности и параллельных экономических структур, как в Венгрии. Мир не примет десятки миллионов советских безработных, как принял миллионы сербов и хорват.

Легко прогнозировать, что произойдет, если партия действительно передаст всю экономическую власть Советам, если территории перейдут на хозяйственный расчет, а предприятия, организации и кооперативы выйдут в роли первичных представителей развивающейся страны на внешний рынок. Региональный хозрасчет сохранит свою специфику социалистических присваивающих отношений, но переведет ответственность за нее одним — двумя рангами ниже, на республиканский и областной уровни управления. Напряжения, которые при этом возникнут, будут серьезнее, чем сейчас, тем более, что вполне реально проблема голода, топливно-

энергетического и транспортного кризисов и коммунальной катастрофы. Советы, какой бы властью они себя ни наделили, не смогут координировать действия многочисленных смежников и партнеров предприятий, расположенных на их территории. Единственной возможностью для них будет автаркизация и тиражирование на своей территории миниатюрных подобий Советского Союза — со всеми его конфликтами, напряжениями и неспособностью к развитию.

Идеология регионального хозрасчета выработана прибалтийскими республиками, ориентированными на дальнюю цель отделения от СССР. Теперь она стала государственной идеологией экономической реформы и приведет, если привьется, к отделению всех регионов страны и к ее очень конфликтному распаду.

НОВАЯ РОЛЬ КПСС

Партия сильна не своей идеологией и не своими структурами, контролирующими политические отношения. Она сильна организацией, жесткой иерархией, мощными системами связи и коммуникаций, издательскими возможностями, традициями засекречивания и конспиративной деятельности. В очень подвижной и конъюнктурной сфере современных политических отношений в СССР жесткость аппарата партии выступает как ее серьезнейший недостаток. Другое дело — руководящая роль партии в экономике, причем в ее самой сложной сфере, — в финансовых отношениях, где особенности аппарата КПСС могут сыграть решающую для судьбы страны роль.

Рассмотрим представляющуюся пока невероятной ситуацию: партия отказывается от своих претензий на руководство идеологией и политикой (уже сегодня это реально стоит не-

много) и сосредоточивается на организации экономической жизни **в роли ее финансового центра**.

Выше уже подчеркивалось, что партийные комитеты всегда были точками, направляющими и организующими обменные отношения. Это диктовалось необходимостью кормить и поить население регионов, да и вполне по-человечески понятным желанием аппаратчиков «жить как люди». Разглагольствуя о плановости и пропорциональности, аппарат одной рукой формировал локальные рынки обменов, другой же разделял их, не давая возможности слиться в единый рынок со стандартным набором эквивалентов обмена. Именно это обеспечивало КПСС реальную власть над территориями, предприятиями, организациями и отраслями народного хозяйства. Локальные рынки с легкой руки публицистов приобрели название «теневой экономики» и стали предметом яростной атаки субъективно честных, но глухих популистов на партию с обвинением ее в коррупции, мафиозности, продажности и прочем, и прочем.

В какой-то степени эти обвинения оправданы. Иные чиновники на осуществлении руководящей роли партии в обменных отношениях приобрели капиталы в зарубежных банках и, вместе с ними, опыт деловой жизни, в наших условиях — бесценный. Репрессии 1983—1986 годов против «погрязших в коррупции» аппаратчиков и связанных с ними деловых людей привели к нынешнему ухудшению экономической ситуации. Те, кто в условиях огосударственного рынка обеспечивал минимальный уровень производства, были изъяты из деловой жизни и частично репрессированы. Распад сложившейся в годы застоя системы взаимобменных отношений, фундированных хоть каким-то производством, привел к тому, что ныне производством прак-

тически никто не озабочен. В результате социальная жизнь превратилась на пятом году перестройки в цепочки обменов. Мы доменялись до карточной системы на сахар и мыло, и на немых руках теперь остались только затертые бумажки постановлений «О дальнейшем улучшении...», неотваренные талоны да обесцененные денежные знаки.

Удовлетворение потребностей внутреннего рынка связано с необходимостью налаживать производство товаров и услуг, что в рамках государственных предприятий практически невозможно, а в рамках теневого производства стало слишком опасным. Основная задача партии в этих условиях состоит в организации внутреннего рынка и в интеграции многообразия локальных обменных отношений и их эквивалентов в нечто единое для всей страны и целесообразное. Формирование конвертируемой внутри страны валюты — задача, которую может решить только партия, в ее предлагаемой новой роли. А без решения этой задачи невозможно и включение страны в мировой рынок.

Партия в новых условиях должна взять на себя функции фондовой биржи и акционерного банка. Выпуск ценных бумаг — постановлений — является для партии привычным делом, однако прежде эти бумаги имели мистифицированную стоимость, а их рынок был закрыт для тех, кто не включен в партийную иерархию. Этот процесс надо сделать явным и открытым для всех экономических субъектов, определив стоимость отношений, взаимные финансовые и обменные обязательства партнеров и санкции за нарушения обязательств. Превращение постановлений партаппарата в совокупность векселей и кредитных обязательств, на основании которых (без всяких опосредований) будет осуществляться финансирование производственной деятельности,

вполне возможно, даст толчок к интеграции разобщенных рынков и к формированию внутренней конвертируемой валюты.

Коммерциализация биржевой и посреднической деятельности аппарата партии позволит превратить его из безответственного руководителя рыночной деятельности в юридическое лицо, отвечающее за состояние рынка и валютного хозяйства страны. Биржевая деятельность приведет к консолидации в аппарате партии финансового капитала и к превращению его из атрибута тоталитарной системы в атрибут рыночный. В мире пользуются огромным влиянием, смешанным с презрением, «цюрихские гномы». И дай Бог, чтобы эти смешанные чувства стали испытывать по отношению к новым банкирам.

Интегрирующая деятельность партаппарата в первую очередь должна реализоваться по отношению к тем секторам экономики, которые считаются теневыми, а также по отношению к кооперативам, арендным и смешанным предприятиям, к государственным консорциумам, возникшим в результате слияния предприятий, принадлежащих разным министерствам и ведомствам. Именно эти новые хозяйственные субъекты нуждаются в надежной защите от притязательного и мафиозного рэкета, от агрессивной деятельности Советов, пытающихся на первых порах прибрать к рукам все, что расположено на их территории. В обмен за защиту новые хозяйственные субъекты обеспечат партаппарату начальный капитал и другие необходимые для биржевой деятельности инструменты.

Предлагаемое изменение руководящей роли партии только на первый взгляд выглядит парадоксальным. В реальности нашей хозяйственной жизни партаппарат районного, городского и областного уровней уже вы-

полняет функции биржи, юридическо-го и административного гаранта деятельности новых хозяйственных субъектов. Однако эта деятельность не формализована, не упорядочена в рамках государства в целом и теоретически не осмыслена. Финансовое хозяйство страны пришло в упадок, и в государстве нет другого института кроме партии, который смог бы обеспечить сопряжение огромного внутреннего рынка с мировым.

СЦЕНАРИЙ ИГРЕК

Предлагаемый вариант изменения политических и экономических отношений в нашем государстве может дать стимулы к более-менее плано-вому развитию экономической системы, к ее отчуждению от политической ситуации и территориальных конфлик-тных отношений. Кроме того, в рам-ках этого сценария не произойдет ка-тастрофических изменений социаль-ной структуры: партия останется у власти, причем размеры, форма и сте-пень легальности этой власти будут, во всяком случае, не меньшими, чем прежде. Сложившиеся системы про-изводства, распределения, власти и авторитета обретут прочную базу для легализации и экономизации. Теневая экономика потеряет весьма важные для нее структурные элементы, опи-рающиеся на отношения с партаппа-ратом, а оставшаяся ее чисто уголов-ная часть станет предметом забот полиции, как это происходит во всем мире. Советы обретут прочную и юридически ясную базу для отноше-ний с партией, государственным производством и финансовыми ин-ститутами, а их политическая ак-тивность перестанет быть столь де-монстративно направленной против партаппарата.

В рамках предлагаемого сценария вполне возможно осуществить изме-

нение территориальной структуры, то есть уничтожение областного-краевого уровней иерархии с образо-ванием нескольких десятков союзных республик с районным делением. Партаппарат в роли финансового ин-ститута вполне сможет выступать си-лой, интегрирующей старые и новые республики в федерацию.

Трудность состоит в том, что су-ществует сложившийся стереотип ро-ли партии, ее структуры и функций. Преодоление или ломка этого стерео-типа как у самих работников партап-парата, так и у рядовых членов пар-тии может представлять значитель-ные трудности. Тем не менее, проти-вопоставление партийной массы и ап-парата в сознании всех участников партийных отношений настолько ве-лико, что отделение аппарата партии от политической организации КПСС встретит, быть может, вполне адек-ватную реакцию.

Политическая организация КПСС, разделив имущество на каких-то до-говорных принципах с партаппара-том, превращается в одну из многих политических организаций страны. Члены КПСС по своему желанию включаются в политическую жизнь, формируя фракции или перечитывая в свободное от производительного труда время труды классиков марксизма-ленинизма. Аппарат же партии формализуется как деловая финансовая организация. Очевидно, что имущество партии должно быть инвентаризовано и в какой-то степени коммерциализовано. В частности, возможно формирование акционер-ного общества и выпуск акций, про-даваемых на внешнем рынке. Думаю, что многие владельцы свободных ка-питалов на традиционном рынке цен-ных бумаг из простого любопытства захотят стать владельцами акций или вкладчиками капитала в нечто, семь-десят лет служившее символом борь-бы с ними.

ИХ РЕКРУТЫ

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ США И ПРИНЦИП ДОБРОВОЛЬНОСТИ

Ольга ПОБОРЦЕВА,
научный сотрудник Института США
и Канады АН СССР

Вооруженные силы США на протяжении всей своей истории формировались в основном за счет вольнонаемного набора. Призыв вводился лишь тогда, когда страна официально находилась в состоянии войны. Единственным исключением явился период с 1948 по 1973 год. Это объясняется, во-первых, обстановкой «холодной войны», культивировавшей в общественно-политическом сознании представление о постоянной угрозе, и опасения, что потребность в солдатах не удастся покрыть за счет добровольцев. Во-вторых, Соединенные Штаты вели в эти годы так называемые необъявленные войны в Корее и Вьетнаме. Крайне непопулярная в американском народе вьетнамская кампания вызвала небывалый по своим масштабам и продолжительности протест против этой кампании в целом и против призывной системы в частности.

Голоса в защиту добровольческой армии раздавались еще в начале 60-х годов; по мере того как война во Вьетнаме близилась к отнюдь не победоносному для США завершению, движение за принятие реформы комплектования вооруженных сил при-

обретало все больше сторонников. И администрации, и конгрессу стало ясно, что проблема требует серьезного исследования. Созданные в 1966 году президентом Линдоном Джонсоном и Комитетом по делам вооруженных сил палаты представителей альтернативные комиссии Маршалла и Кларка пришли к выводу о необходимости пересмотра системы службы по закону о воинской повинности и о принципиальной возможности перехода на добровольческую систему формирования личного состава.

Администрация Ричарда Никсона приняла эстафету в исследовании возможности перехода на добровольческую армию. Ричард Никсон провозгласил в 1968 году: «Система всеобщей воинской повинности, по которой призыву подвергаются одни и не подвергаются другие, просто не может быть совместима с нашей всеобщей концепцией свободы, справедливости и равенства согласно закону. Единственное оправдание этому - вынужденная необходимость... Давайте покажем нашу приверженность свободе и предоставим ее нашей молодежи».

Для разработки всеобъемлющего

плана отмены призывной системы и перехода к добровольческой системе комплектования вооруженных сил президент объявил в марте 1969 года о созыве комиссии по добровольческим вооруженным силам под председательством бывшего министра обороны Томаса Гейтса. Через год интенсивных исследований комиссия сделала свой широко известный вывод:

«Мы единодушно считаем, что интересам нации будут лучше служить добровольческие вооруженные силы, подкрепленные эффективной резервной системой воинской повинности, чем смешанные вооруженные силы из добровольцев и призывников, что следует немедленно предпринять шаги в этом направлении и что первый необходимый шаг — это устранение существующей несправедливости в вознаграждении тех, кто служит в вооруженных силах первый срок».

Комиссия Гейтса внимательно изучила все возражения, выдвинутые защитниками призывной системы. Основные из них сводились к следующему.

1. Расходы на добровольческую армию будут очень велики — настолько, что государство не сможет себе этого позволить.

2. Система вольного найма проигрывает системе всеобщей воинской повинности по способности быстрого и гибкого увеличения численности личного состава армии в случае внезапного военного кризиса.

3. Добровольческая система подрывает патриотизм населения, ослабляя традиционную убежденность в том, что долг каждого гражданина — защищать свою страну в рядах вооруженных сил.

4. Система вольного найма отрицательно скажется на социальном составе армии, так как повышенная оплата станет приманкой для лиц из

низших социальных слоев и цветного населения.

5. Качество личного состава вооруженных сил снизится, поскольку трудно будет привлечь высококвалифицированную молодежь, а это подорвет престиж службы в армии и вызовет проблемы с комплектованием.

6. Профессиональные вооруженные силы означают рост сепаратистского военного духа, являющегося угрозой гражданской власти и демократии.

Отвечая противникам добровольческой системы, комиссия Гейтса представила довольно аргументированное опровержение.

Она признала, что бюджетные ассигнования на добровольческую армию в самом деле будут выше, но реальная стоимость такой армии окажется ниже, так как некоторые из расходов на смешанные вооруженные силы никак не отражались в бюджете. Один из примеров возможной экономии при системе вольного найма, как отмечалось в отчете, — это сокращение расходов на обучение в результате снижения текучести личного состава. Но главное заключается в том, что призывная система пагубно влияет на экономику страны, нарушая личную жизнь и планы молодежи, а также вызывая нежелательные социальные эффекты, типа, например, отказничества. Хотя подобные расходы подсчитать очень сложно, ими пренебречь нельзя.

Готовность вооруженных сил к отражению внезапного нападения, утверждала комиссия, зависит не столько от возможности рекрутировать необученных людей, сколько от качества ее действующего состава. Тем более, что призыв в случае необходимости никто отменять не предлагал: комиссия рекомендовала иметь на этот случай резервную систему воинской повинности, то есть обязательную ре-

гистрацию граждан призывного возраста.

Комиссия Гейтса решительно отвергла тезисы о том, что введение системы вольного найма повлечет за собой подрыв патриотизма, демократии, появление сепаратистских настроений. Напротив, говорилось в отчете, именно принуждение к службе путем призыва подрывает уважение народа к правительству. «Добровольное решение — вот лучший ответ и морально, и практически на вопрос о том, кому следует служить».

Исторически, утверждала комиссия, добровольческие вооруженные силы и свобода всегда шли рука об руку. В стране, где существует сильнейшая традиция гражданского контроля над военным строительством (а этим американцы гордились всегда), разговоры о сепаратизме военных просто не имеют под собой почвы. И в смешанной, и в добровольческой армиях настроения кадрового состава* — определяющий фактор в психологии военных; и при призывной, и при добровольческой системе профессиональные военные — это исключительно добровольцы. К моменту составления отчета комиссии Гейтса эта категория в вооруженных силах США составляла 2 миллиона человек. Политическое влияние этой силы, отмечала комиссия, не может измениться в результате упразднения призыва на нижних уровнях военной иерархии.

Вопрос о качественном составе вооруженных сил наряду с проблемой расходов вызывал наиболее упорные возражения против введения добровольческой системы комплектования. Однако комиссия Гейтса сочла, что улучшение оплаты и условий службы, а также введение различных

премий и льгот, будет способствовать привлечению в армию высококвалифицированных специалистов, а применение тестов воспрепятствует приему на военную службу непригодных лиц точно так же, как и при наличии призывной системы.

По мнению комиссии Гейтса, согласному с мнением администрации и Министерства обороны, недостатки добровольческой системы намного перекрываются ее достоинствами. Эта система справедливее, демократичнее отвечает интересам молодежи, то есть социально более обоснована. Профессиональная армия представляет собой лучше подготовленную мощную силу, способную защитить интересы нации. Система вольного найма устраняет недостатки призывной системы, такие как дорогостоящая и несправедливая процедура отбора рекрутов, неадекватное вознаграждение военнослужащих и т. д.

Отчет комиссии Гейтса был представлен в конце февраля 1970 года и с воодушевлением принят общественностью и средствами массовой информации. Началась разработка президентских рекомендаций для конгресса. Этот процесс занял около года, и в феврале 1971 года начались дебаты в конгрессе. Дебаты проходили бурно на всех стадиях, обсуждались сотни поправок; в конце концов сторонники реформы взяли верх, и 28 сентября 1971 года президент утвердил закон, по которому с 1 июля 1973 года вводилась добровольческая система комплектования вооруженных сил США. Практически же период перехода к системе вольного найма завершился одновременно с окончанием проигранной США войны во Вьетнаме.

Оправдались ли возражения?

К чему же пришла наемная армия США за шестнадцать последних лет, оправдались ли пессимистические прогнозы оппонентов?

* Согласно классификации, принятой в вооруженных силах США, кадровым считается военнослужащий, пребывающий в рядах действительных вооруженных сил больше одного срока.

Итак, проблема номер один.

Добровольческая армия потребует огромных дополнительных расходов.

Предполагалось, что наибольшие расходы будут сопряжены с повышением оплаты военнослужащим. Однако с этой точки зрения, по оценкам Бруклинского института, стоимость добровольческой армии представляла собой лишь небольшую часть общего роста военных расходов на 1968—1973 гг. Средняя сумма оплаты военнослужащим за эти годы возросла приблизительно на 113 процентов; из них непосредственно на введение добровольческой системы можно было отнести 18 процентов.

Постоянный интерес к расходам на добровольческие вооруженные силы проявлял конгресс. В 1978 году по запросу сенатора Сэма Нанна, бывшего в то время председателя подкомитета по личному составу и кадрам сенатского Комитета по делам вооруженных сил, Главное счетное управление представило отчет о добавочных расходах на добровольческую армию, проанализировав их по 37 критериям и по тому, как они были отражены в бюджете. Эти расходы были следующими (в миллиардах долларов) по курсу 1970 года:

1971—0,08, 1972—1,37, 1973—2,68, 1974—2,65, 1975—2,49, 1976—2,81, 1977—1,98

В этот же период общие расходы на оборону выросли с 78,9 миллиарда долларов в 1971 финансовом году до 97,2 в 1977-м, в том числе расходы на личный состав с 29,1 до 33,7 миллиарда в год. Если же считать в процентах, то расходы на личный состав в 1971 финансовом году составили около 37 процентов расходов на оборону, а в 1977 — на два процента меньше.

Таким образом, бюджетные расходы оказались меньшими, чем ожидалось, или, во всяком случае, не столь тяжелыми, как предполагали противники реформы. И до настоящего

времени доля расходов на личный состав вооруженных сил составляет примерно тот же процент от общих расходов на оборону, что и в начале 70-х годов.

Перейдем к проблеме номер два.

Качество личного состава вооруженных сил снизится, поскольку трудно будет привлечь высококвалифицированную молодежь.

Помимо финансовой, с самого начала принципиальной заботой добровольческой армии США было качество личного состава, особенно первого срока службы. Комиссия Гейтса приняла около двух десятков исследовательских проектов по различным проблемам добровольческой армии. Проекты, касающиеся оценки и удовлетворения потребностей в солдатах по критериям количества и качества, были первыми существенными эконометрическими исследованиями, затрагивающими проблемы пополнения различных категорий личного состава вооруженных сил. Хотя методический подход и заключения комиссии критиковались и ставились под сомнение, на сегодняшний день специалистами признано, что ее ожидания и прогнозы выдержали испытание временем.

Термин «качество» обозначает прежде всего те достоинства, которыми обладает человек, поступающий на военную службу, а также то, как он несет службу. Для оценки рекрутов в вооруженных силах США используют две характеристики — наличие диплома об окончании средней школы и результаты вступительных тестов. Тест, используемый для определения пригодности новобранцев к военной службе вообще и к определенным военным специальностям, называется «Пакет программ профессиональной пригодности». Четыре субтеста образуют «Квалификационный тест вооруженных сил» (КТВС), по результатам которого испытуемому присваи-

вается одна из пяти категорий умственного развития. (Пятая, самая низкая, по закону отстраняется от рекрутирования).

Фактор наличия диплома имеет, согласно исследованиям специалистов, прямое воздействие на выполнение военнотрудовыми боевыми задачами. Еще во время войны в Корее было предпринято исследование «Fighter 1» для определения характеристик, отличающих эффективных стрелков. Среди одиннадцати выявленных характеристик на первом месте по значимости стоял уровень образования.

Для наемной армии конгресс установил минимальную долю выпускников школ среди рекрутов в 65 процентов. За первые десять лет существования наемной армии США эта категория среди военнотрудовыми первого срока в среднем составляла 74 процента — по сравнению с 71 процентом в течение предшествовавших десяти лет. В начале 80-х годов доля выпускников школ значительно повысилась и составляла в среднем по вооруженным силам 85 процентов в 1981 финансовом году, 86 — в 1982-м, 91 — в 1983-м. Для сравнения: в 1980 году среди американской молодежи в целом дипломы имели 72 процента мужчин и 77 процентов женщин. Такое улучшение качества личного состава было связано с повысившимся уровнем безработицы, особенно среди молодежи, но также и с усилившимся вниманием администрации Рейгана к вопросам боеготовности, в частности, к комплектованию личного состава. Большая часть ассигнований на военное строительство тратилась по статьям медицинского обслуживания, жилищного строительства и семейных программ. С тех пор 90-процентный состав выпускников средних школ для рекрутов стал обычным. Человек, не имеющий диплома, может поступить на военную службу только имея не

ниже третьей ментальной категории по КТВС. Чтобы продолжить службу, он обязан завершить среднее образование.

Накануне перехода на систему вольного найма пессимисты рисовали весьма печальные перспективы: мол, когда призыв будет отменен, образованные люди в армию не пойдут и придется брать всех желающих независимо от результатов теста, и хорошо, если и их-то наберется достаточно, чтобы заполнить квоты. Подобные опасения привели к введению в 1976 году денормированного теста, по которому лицам, реально соответствующим четвертой категории, присваивалась третья. Такое положение продолжалось до конца 70-х годов. Когда тест был проверен и переработан, то оказалось, что в этот период процент военнотрудовыми с реальной четвертой категорией в вооруженных силах в целом превышал 25 процентов вместо положенных 5, а в армии достигал 45 процентов.

В 1980 году за дело взялся конгресс, ограничив долю лиц с четвертой категорией среди желающих зачисляться до 20 процентов для каждого вида вооруженных сил. Результаты не заставили себя ждать. Уже к 1983 году 89 процентов рекрутов имели первую, вторую или третью категорию, и это по тестам, возвращенным к прежним, строгим требованиям. С тех пор с качественными параметрами личного состава вооруженных сил практически не было проблем. Даже в таком наименее популярном виде вооруженных сил, как пехота, в 1988 году лишь менее 4 процентов рекрутов имело четвертую категорию. Для сравнения: среди гражданской молодежи США 31 процент относится к четвертой категории. В 1987 году 41 процент рекрутов имел две высшие категории КТВС. Такого высокого качества личного состава, как отмечают американские экспер-

ты, в призывные годы не наблюдалось.

Проблема номер три — по порядку, но, пожалуй, первая по важности — боеготовность.

При системе вольного найма невозможно быстрое и гибкое увеличение численности личного состава вооруженных сил в случае внезапного военного кризиса.

При внезапной серьезной угрозе национальной безопасности понадобится значительное количество способного к ведению боевых действий личного состава, который должен будет приступить к выполнению своих задач практически немедленно. Также необходимо будет в минимальный срок усилить базу действительных вооруженных сил. Призыв в этом случае малополезен. Даже при наличии регистрационных данных на призывников понадобится три-четыре месяца, чтобы призвать их и обучить, и то лишь в том случае, если учебная база вооруженных сил будет находиться в готовности. Конечным результатом окажется наличие сотен тысяч молодых солдат, почти без опыта и плохо подготовленных, которые вольются в ряды вооруженных сил с опозданием во много месяцев.

Данная точка зрения принадлежит М. Андерсену, старшему научному сотруднику Гуверовского института США. Как видим, она совпадает с выводом комиссии Гейтса, отстоявшим по времени на пятнадцать лет.

Комиссия по личному составу вооруженных сил, назначенная президентом Фордом, утверждала в 1976 году: «Меняющаяся сущность войны и ее

технологии не допускает длительного временного периода для национальной мобилизации в случае крупного конфликта». Следовательно, вооруженные силы должны иметь адекватную систему мобилизации резервных сил. Но резервы — это лишь второй эшелон; первый удар принимает на себя основной состав вооруженных сил. Конечно, проблема резервов — это одна из важнейших и, по признанию американских специалистов, остающаяся пока неразрешенной, но она не зависит от способа комплектования личного состава.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, добровольческая армия США современного периода существует уже шестнадцать лет. И если ее до сих пор не отменили несмотря на то, что дешевой ее не назовешь, а американцы не очень-то любят бросать деньги на ветер, — значит, ее достоинства, и в первую очередь, боеспособность, перекрывают недостатки. Кстати, еще немного о финансах. В ежегодном отчете конгрессу в 1988 году бывший министр обороны Фрэнк Карлуччи заявил, что возврат к призывной системе увеличит стоимость вооруженных сил равной эффективности ни много ни мало как на 2,5 миллиарда долларов ежегодно.

Дебаты и по сей день не угадали, и разногласия существуют по-прежнему. Однако, по общему мнению и оптимистов, и скептиков, в основном реформа себя оправдала, поскольку достигла тех целей, для которых предназначалась.

**БЮЛЛЕТЕНЬ
ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА
ПРИ СОДЕЙСТВИИ
СОВЕТСКОГО ФОНДА МИРА**

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках

Цена 10 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

БЕК XX И МИР

XX CENTURY AND PEACE

LE XX^È SIECLE ET LA PAIX

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

